

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ЗОЛОТО СКИФСКИХ ЦАРЕЙ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

А. Ю. АЛЕКСЕЕВ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2012

УДК 739.1(395.1):006.9
ББК (Т)63.3(2)2
А47

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редакционная коллегия:

Г. В. Вилинбахов (председатель), М. М. Дандамаева, Н. К. Жижина (ответственный секретарь),
Е. В. Звягинцева, М. В. Козловская, К. В. Кравцов, Н. А. Лебедева, А. К. Лепорк, О. Г. Махо, И. А. Мельникова,
Д. А. Никитин, А. Ю. Родина (составитель серии), А. В. Савельева, Т. Б. Семенова, А. Г. Фурасьев

Алексеев А. Ю.

А47 Золото скифских царей из собрания Эрмитажа / А. Ю. Алексеев ; Государственный Эрмитаж. –
СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 272 с. : ил. – (Альбом)

ISBN 978-5-93572-459-7

Альбом представляет предметы искусства VII–IV веков до н. э. из уникального эрмитажного скифского собрания. Наряду с шедеврами древнего искусства показаны и изделия менее значительные и эффектные. Но все они в равной степени принадлежат культуре той части скифского мира, к которой относились цари и представители сословия знати. Неслучайно большинство этих предметов было выполнено из драгоценных металлов, преимущественно из золота, и обильно украшено изображениями в так называемом скифском зверином стиле, являющемся наиболее выразительной и отличительной чертой художественной культуры древних кочевников Евразии.

Музейная история скифских древностей началась еще в XVIII столетии, но особенно богаты находками стали XIX и XX века. В наши дни исследования скифских курганов продолжают и приносят новые выдающиеся открытия, благодаря чему эрмитажная коллекция скифских сокровищ продолжает пополняться. Альбом позволит читателям познакомиться с этой знаменитой коллекцией, а благодаря многочисленным детальным воспроизведениям может оказаться полезным и для специалистов.

УДК 739.1(395.1):006.9
ББК (Т)63.3(2)2

Дизайн: Д. Г. Гаскевич
Фотографы: В. С. Терехин, А. Пахомов (с. 16, 18)

На обложке: Пластина поясная со сценой под деревом.
V–IV вв. до н. э. Сибирская коллекция Петра Первого.
Деталь

ISBN 978-5-93572-459-7

© Государственный Эрмитаж, 2012
© Архив ИИМК РАН, 2012

Золото скифских царей – это не только романтический образ, выражающий восхищение, которое испытывает современный человек перед уникальными в своей выразительности и гармоничности предметами скифского искусства, и удивление тому обилию золота, в котором это искусство было воплощено древними мастерами, но и исторический феномен, напрямую связанный с военно-политической историей скифов и особенностями скифской идеологии.

Золото скифских царей – это не только искусно выполненные из золота изображения животных в так называемом скифском зверином стиле, но и своеобразный язык, на котором записаны сведения о скифской модели мира, о его строении и движущих или стабилизирующих силах: жертвенности (мотив лежащего с подогнутыми ногами оленя и других копытных), борьбы и единства противоположных начал (многообразные сцены терзания хищниками и фантастическими монстрами травоядных животных, в которых эти существа представляют разные зоны скифского Космоса).

Золото скифских царей – это не только сокровища, накапливавшиеся в евразийских степях на протяжении многих столетий как результат постоянных набегов, грабежей и войн, но и материальное отражение той социальной картины скифского мира, в которой большое значение придавалось особым группам населения – воинам и царям. Не случайно именно в скифских «царских» курганах, несмотря даже на сокрушительные ограбления, которым эти гробницы подвергались с древности, и были найдены практически все те вещи, которые сформировали современное представление о скифской культуре и искусстве.

Эпоха раннего железа (первое тысячелетие до н.э.) оказалась своего рода «золотым веком» не только в истории великих мировых цивилизаций, таких как греческая, персидская или китайская, но и в истории их северных соседей – так называемых древних или ранних кочевников – номадов (греч. νομάδες – кочующие народы). Номадизм как особый, подвижный тип скотоводческой экономики возник на рубеже второго – первого тысячелетий до н.э. и быстро распространился по широкому и протяженному на тысячи километров поясу степей и предгорий Евразии, плотно «стянувшему» огромное равнинное пространство от Центральной Азии на востоке до Центральной Европы на западе. Характерно, что даже для последующих столетий, когда эти первые кочевники, а среди них прежде всего скифы, уже исчезли с мировой исторической арены, растворившись в массе других народов, именно скифский период на фоне истории более поздних «кочевых империй» продолжал оставаться одним из самых ярких и по уровню развития материальной культуры, и по выразительности искусства, и по глубине взаимодействия с самыми известными цивилизациями и государствами своего времени.

Скифы – это общее название многих близких по культуре, хозяйственному укладу, образу жизни и идеологическим представлениям кочевых племен, принятое уже в древности. Скифами воинственных кочевников называли греки, впервые столкнувшиеся с ними в VII в. до н.э. сначала в Малой Азии, а затем и в Северном Причерноморье, где самые ранние греческие поселения появились во второй половине VII в. до н.э. Персы же, чаще имевшие дело с центральноазиатскими номадами на своих северо-восточных границах, называли всех кочевников, как азиатских, так и европейских, саками. Сами же скифы, хотя, возможно, и не все, а только та их часть, которая обитала в степях Северного Причерноморья в V–IV вв. до н.э., называли себя сколотами по имени своего первого легендарного царя Колаксия, как о том сообщает Геродот (IV, 6)¹.

Различия касались, разумеется, не только названий скифских племен, принятых у их соседей, но и некоторых этнографических особенностей и традиций. Мир степей был весьма многообразным и даже пестрым, что неизбежно приводило к путанице и ошибкам в описаниях жизни и обычаев номадов. Не случайно Геродот, рассказывая о массагетах, одном из среднеазиатских кочевых племен, которые «одеждой... и образом жизни... походят на скифов», замечает: «То, что, по словам эллинов, принято у скифов, делают в действительности не скифы, а массагеты» (Геродот I, 216).

При этом была одна общая черта, несомненно, роднившая и облегчавшая отношения между отдельными скифскими племенами, да и самих скифов с некоторыми их соседями. В эпоху, когда многие народы Восточной Европы и Передней Азии познакомились со скифами, в Евразии доминировали кочевники, отличавшиеся от большинства более поздних номадов (таких как гунны, авары, печенеги, хазары, половцы, монголы и другие) прежде всего в языковом плане. Так, и западные скифы, которые с VIII–VII вв. до н.э. населяли Северное Причерноморье и Северный Кавказ, и восточные скифы говорили на древнеиранских языках, как о том можно судить по скудным лингвистическим материалам – названиям племен и личным именам, сохранившимся в нескифских: ассирийско-вавилонских, персидских, древнегреческих и латинских письменных источниках².

Разумеется, этническая история в скифскую эпоху известна нам лишь в общих чертах и по большей части лишена деталей и подробностей.

Сосуд с рельефными изображениями скифов. Вторая половина IV в. до н.э., курган Куль-Оба (с. 190)

¹ Тексты Геродота приводятся по изданию: Доватур, Каллистов, Шишова 1982.

² Тохтасьев 2005; Кулланд 2006.

Накладка на горит с изображениями сцен из жизни Ахилла. Третья четверть IV в. до н. э., Чертомлыкский курган (с. 206)

Фрагментарность имеющихся письменных источников, подвижность самих номадов, традиции передачи и заимствования этнических наименований не позволяют в настоящее время представить полную картину размещения и миграций различных скифских племен на протяжении многих столетий. Тем не менее мы все же знаем из «скифского рассказа» Геродота и от других античных авторов, что в западной части скифского мира, на территории от северного побережья Черного моря и Северного Кавказа до Уральских гор жили многочисленные «варварские» народы – собственно скифы, и среди них скифы-кочевники, скифы-царские, скифы-пахари, скифы-земледельцы, а также их соседи, часть из которых по образу жизни близки скифам и даже говорили на похожем языке – савроматы, гелоны и будины, невры и андрофаги, тавры и меоты и т. д. Некоторые из этих народов были современниками Геродота (V в. до н. э.), одни из них могли относиться к более раннему периоду скифской истории, а другие вообще скорее всего являлись мифическими племенами, например герры, на территории которых скифы якобы хоронили своих царей¹.

Мир кочевников, несмотря на свою внешнюю, лишь декларативную консервативность жизненного уклада и используемых технологий и нежелание заимствования чужих обычаев, в действительности всегда был чрезвычайно динамичным и открытым. Кочевое общество, наверное, могло бы существовать и само по себе, замкнуто, без контактов с внешним миром, но реальная история человечества практически не знает подобных примеров². Номады неизменно находились в сфере влияния своих оседлых соседей, при этом не только получая от них разнообразные материальные блага цивилизации (вино, ювелирные украшения, парадную металлическую и глиняную посуду и т. п.) и опыт чуждой им общественной жизни и социальной организации, но и сами нередко оказывали на них как благотворное, так и разрушительное воздействие. Миграции, военные походы и набеги степняков, большие и малые завоевания, и как следствие – заимствования идей и обоюдное проникновение разнообразных знаний и традиций, занимали в этом мире если не определяющее, то весьма существенное место. Собственно и началом скифской истории оказались два подобных собы-

Сосуд с изображениями скифов. IV в. до н. э., курган № 3 из группы «Частых курганов» (с. 244)

Украшение конской сбруи (налобник). IV в. до н. э., курган Большая Цимбалка (с. 167)

Секира парадная. VII в. до н. э., Первый Келермесский курган (с. 73)

тия, одно из которых почти сразу же обросло легендарными и мифологическими подробностями, а другое имеет вполне исторический характер.

Первое событие – это вторжение скифов, вытесненных в VIII в. до н. э. на запад со своих мест обитания соседями – племенами исседонов или массагетов – на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья и, в свою очередь, изгнание ими предшествующего населения – легендарных киммерийцев. Истоки скифской культуры до сих пор во многом остаются загадочными, несмотря на существование многочисленных фантастических и научных, подчас противоречащих друг другу, версий, первые из которых появились еще в античную эпоху. Так, например, Геродот сообщил три распространенных в его время варианта истории происхождения скифов (IV, 5–12), чуть позже нашедших отражение в декоре некоторых парадных и драгоценных изделий так называемой эллино-скифской торевтики. Первая, греческая, возводила скифов к мифическому Скифу, сыну Геракла и местной северопричерноморской полудевы-полузмеи, встретившей знаменитого греческого героя после совершения им очередного подвига – кражи коров Гериона. Скиф после успешно выдержанного испытания (натягивание отцовского лука и опоясывание) стал родоначальником скифов, его старшие менее удачливые братья Гелон и Агафирс – соответственно, родоначальниками племен гелонов и агафирсов. Некоторые исследователи предполагают, что именно этот миф с некоторыми изменениями воспроизведен на драгоценных сосудах IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба близ Керчи и кургана № 3 из группы «Частых курганов» на Среднем Дону¹.

По другой версии, сложившейся в среде скифов, они – самое молодое племя и произошли от первого человека в скифской земле Таргитая (сына Зевса и дочери реки Борисфен-Днепр), который и породил трех сыновей – Липоксая, Арпоксая и младшего Колаксия, ставших родоначальниками различных скифских племен. Одна из предложенных этимологий имен этих персонажей соответственно «Гора-Царь», «Вода-Царь», «Солнце-Царь» как будто бы указывает на глобальный мировоззренческий характер этого мифа².

Третья версия, казавшаяся более правдоподобной еще Геродоту и в наибольшей степени удовлетворяющая современным научным представлениям, говорит о том, что скифы пришли в Европу из Азии по Великому степному коридору. В целом похожий вариант ранней истории скифов излагает и Диодор Сицилийский (II в. до н. э.), следуя которому скифы сначала обитали возле реки Аракс (совр. Амударья), затем переселились в предгорья Кавказа и Северное Причерноморье, а впоследствии «распространили свое владычество до египетской реки Нила» (Диодор. Историческая библиотека II, 43. 2–4; пер. П. И. Прозорова).

Причиной отсутствия совершенно надежного решения вопроса о происхождении скифов является не только то, что современники скифов – греческие и римские историки и писатели – оставили на этот счет не вполне ясные свидетельства, но и то, что археологические истоки культуры скифов-номадов до сих пор отчетливо не прослеживаются. Речь по большей части может идти лишь о признании факта неевропейского происхождения отдельных ярких и типичных для скифской культуры элементов, таких как конская узда, вооружение (прежде всего, стрелковое) и художественный стиль с его характерными зооморфными образами – кошачьими хищниками (скифская пантера) и копытными животными, так называемым скифским оленем, истоки которых угадываются в предскифское и раннескифское время на территории Центральной Азии³.

¹ Раевский 1970; Раевский 1985.

² Грантовский 1960; Абаев 1979; иначе см.: Кулланда 2006.

³ Алексеев 2003 а. С. 38 и сл.

Серьги с головками грифонов.
V в. до н. э., курганный комплекс Дорт-Оба
(курганы Пастака), курган № 2 (с. 124)

Второе событие – это знаменитые походы в Переднюю Азию в VII в. до н. э., в которых скифы сыграли весьма заметную военно-политическую роль, став на время или союзниками, или противниками многих великих древневосточных государств того времени, яростно боровшихся за гегемонию в регионе, – Ассирии, Урарту, Мидии, Вавилона, Египта, Лидии, и оказавшись свидетелями гибели старой ассирийской и появления новых «империй». Ярким свидетельством этих походов явились многочисленные драгоценные трофеи, захороненные в могилах скифских вождей того времени и раскопанные археологами в XVIII–XX вв. на Северном Кавказе и в Приднестровье, – мечи, секира, чаши, диадемы, различные украшения, попавшие в руки скифов или в качестве военной добычи, или изготовленные для них специально древневосточными мастерами¹.

После великих переднеазиатских походов история Скифии – в широких границах от предгорий Кавказа до Дуная – многие десятилетия протекала, как кажется, вполне мирно, хотя нам практически неизвестны какие-нибудь конкретные исторические события. Уже со второй половины VII в. до н. э. у скифов стали складываться вполне соседские отношения с греческими колонистами, активно заселявшими в это время северный берег Черного моря. В этот период греками были основаны многие поселения, в том числе такие как Борисфен на острове Березань в устье Южного Буга и Ольвия в низовьях Южного Буга, Таганрогское (его историческое имя нам достоверно неизвестно, иногда это поселение отождествляют с «торжищем» Кремны, упомянутым Геродотом) на северном берегу Азовского моря, Пантикапей и Нимфей на Керченском полуострове в Крыму и другие. Очевидно, что отношения между скифами и греками приносили обоюдную пользу прежде всего в сфере экономики. Материальными свидетельствами этих контактов являются многочисленные предметы, изготовленные греческими ремесленниками и мастерами, которые повсеместно встречаются в скифских памятниках – курганах и поселениях.

В конце VI в. до н. э. произошло событие, ставшее одним из самых знаменитых в скифской истории, вновь вовлекшее Скифию в сферу большой мировой политики. Между 515 и 512 гг. до н. э. царь великой Персидской империи Дарий I Гистасп перевел на левый, скифский, берег Дуная огромную семисоттысячную (хотя число воинов было, скорее всего, преувеличено в древности) армию. Царь опирался и на флот некоторых подвластных ему греческих городов. Каковы же были причины этого похода? Совершенно очевидно, что несколько надуманно выглядит версия Геродота о мщении за ранее причиненные скифами обиды во время переднеазиатских походов VII в. до н. э. Несомненно, были другие скрытые, но реальные и намного более важные причины этой войны. Северо-восточные пределы Персидского государства доходили до Средней Азии, до реки Аракс, где в степях обитали племена кочевников-саков. До похода царя Дария в Европейскую Скифию персы уже пытались покорить некоторые из племен саков, хотя к безусловному успеху это и не привело. В 530 г. до н. э. царь Кир II попытался завоевать племя массагетов, во главе которых стояла царица Томирис. Но войско персов было разгромлено, сам же Кир убит. Позднее, в 519 г. до н. э., Дарий I совершил более удачный поход на саков, захватив их вождя Скунху, но покорить всех кочевников не удалось и ему. Впрочем, эти беспокойные соседи персов часто служили в персидской армии и хорошо в ней воевали. Так, известно, что во время Марафонской битвы в 490 г. до н. э. именно сакам вместе с персами удалось прорвать центр греческого строя; правда, эта удача все равно обернулась потом поражением персидской армии. Отличилась сакская конница также и в неудачной для

¹ Кисель 2003.

Накладка на ножны меча с батальными сценами. Третья четверть IV в. до н. э., Чертомлыкский курган (с. 214)

персов битве при Платеях в 479 г. до н. э. Да и позже, вплоть до эпохи Александра Македонского, кочевники Средней Азии неоднократно воевали на стороне персов¹.

Поход царя Дария в Европейскую Скифию мог одновременно преследовать несколько задач. Во-первых, создавался плацдарм для будущего завоевания Греции (правда, попытка этого была предпринята персами только много лет спустя). Во-вторых, стратегическим замыслом Дария возможно был обход среднеазиатских кочевников с тыла, что не кажется невероятным, учитывая географические представления того времени.

Геродот подробно и красочно описал все перипетии этой военной кампании. Не вдаваясь в детальный пересказ, укажем, что основной замысел скифов-кочевников заключался в заманивании противника на свою территорию и лишении его провианта и фуража, в изматывании постоянными конными ударами. Дойдя, по версии Геродота, до Азовского моря и Дона и ни разу не вступив в открытое сражение, бросив однажды ночью раненых и свой лагерь, Дарий с войском бежал из Скифии, лишь чудом избежав полного разгрома и гибели. Какой бы в действительности ни была эта скифо-персидская война, и была ли она вообще (как предполагают отдельные современные исследователи), важно одно – в мировую историю она вошла как совершенно победоносная для скифов².

Победа над персами отразилась на политическом положении в самом Северном Причерноморье и стала переломным событием скифской истории. Усилившиеся скифы, поддержанные или даже смененные новой ордой кочевников, появившейся, видимо, также с востока в конце VI в. до н. э., стали осуществлять давление на греческие города, отдельные из которых могли попасть под скифский «протекторат». Некоторые группы скифов проникли в Центральную Европу и дошли до севера Балканского полуострова. В материальной культуре и в искусстве скифов, которые с рубежа VI–V вв. до н. э. стали активно осваивать степное Причерноморье, проявляются новые элементы, сформировавшиеся, в том числе, под влиянием их соседей-греков.

Именно в это время в Скифии появилась династия царей³, правивших на протяжении почти целого столетия. Традиционно скифских вождей принято называть царями, так как греки в своих описаниях пользовались именно термином βασιλεύς, означающим царя, государя, владыку.

¹ Алексеев 2006 а.

² Черненко 1984.

³ О скифских царях см.: Хазанов 1975; Алексеев 2003 а. С. 218–235.

Гребень с изображением батальной сцены. Конец V – начало IV в. до н. э., курган Солоха, боковое погребение (с. 130)

Фиала с изображениями сцен терзания животных. Конец V – начало IV в. до н.э., курган Солоха, боковое погребение (с. 140)

Разумеется, из этого вовсе не следует, что у скифов действительно существовало такое же государство, как, например, у их противников персов, царей которых греки также именовали басилеями. Но некоторые признаки государственности, в том числе и в отношении наследования власти, в Скифии V–IV вв. до н.э., несомненно, уже присутствовали.

Основателем этой династии был царь Ариапиф, имевший трех сыновей Скила, Октамасада и Орика от трех разных жен. Драматичной была судьба Скила, родившегося от гречанки, получившего греческое образование и ставшего настоящим эллинофилом. После гибели отца он занял престол, но любовь к греческой культуре стала для него роковой. Его брат Октамасад, опиравшийся, видимо, на консервативные слои скифской знати и враждебно относившийся к брату-эллинофилу, совершил приблизительно в середине V в. до н.э. государственный переворот. Царь Скил, бежавший во Фракию, но выданный дядей Октамасада, знаменитым царем фракийцев-одрисов Ситалком, был обезглавлен. После этого несколько десятилетий Октамасад царствовал в Скифии, находясь, вероятно, в дружеских отношениях со своим сводным братом Ориком (который мог быть его представителем в Ольвии), а также с правителями Боспора и Синдики. Не исключено, что именно этот драматический эпизод междоусобной войны в Скифии был представлен греческим мастером на знаменитом золотом гребне конца V – начала IV в. до н.э. из кургана Солоха¹. Этот курган стал первой грандиозной «царской» гробницей в северопричерноморской степи (его высота была около 18–19 м). Под его насыпью последовательно погребены два скифских царя, которыми могли быть сыновья Ариапифа Орик и Октамасад. Вполне вероятно, что через некоторое время после описанных выше реальных событий, когда уже, впрочем, в Скифии вероятно сменилось как минимум целое поколение, вся история, легшая в основу изобразительного произведения, приобрела форму исторического предания, получившего определенный эпический оттенок.

Из кургана Солоха происходят и другие предметы, характеризующие уровень взаимодействия греческой культуры со скифской. Особая судьба была, видимо, у золотой фиалы с изображениями сцен терзания животных в духе скифского звериного стиля, которая, прежде чем попасть к скифскому «царю», неоднократно переходила из рук в руки, о чем свидетельствуют почти полностью уничтоженные еще в древности две разновременные греческие надписи. Не менее интересен и серебряный позолоченный сосуд со сценами охоты, выполненный греческим торевтом, но по форме полностью соответствующий скифским изделиям. Скифским является и сюжет его изображений. На одной стороне два молодых всадника охотятся на льва, на другой стороне охотники преследуют фантастическую рогатую львицу.

В конце V – начале IV в. до н.э. особенно активной у скифов была внешняя политика по отношению к Боспорскому государству, на стороне которого они даже в некоторых случаях выступали. Всю первую половину IV в. до н.э. скифское государство укрепляло свои политические и экономические позиции, что в конечном итоге привело к столкновению с мощнейшей державой того времени – Македонией царя Филиппа II, отца Александра Великого. Взаимная область интересов скифов и македонян находилась на Балканах и первоначально союзнические отношения очень быстро переросли в открытый конфликт. Во главе скифской орды стоял 90-летний царь Атей, частично контролировавший греческие города Западного Причерноморья. В 339 г. до н.э. в сражении между скифами и македонянами последние одержали победу, сам же Атей погиб в бою. Правда,

¹ Манцевич 1987; Алексеев 2003 б. С. 72–88; иначе см.: Раевский 1977. С. 116–118.

Калаф – головное украшение. Третья четверть IV в. до н.э., Чертомлыкский курган (с. 224). Деталь

Рукоять иранского меча. V в. до н.э., Чертомлыкский курган (с. 210)

это поражение не подорвало в глазах греков репутацию скифов как непобедимых воинов. Были и другие конфликты с Македонией, были и дипломатические переговоры. Так, по некоторым данным скифы обменялись в 329/328 г. до н.э. мирными посольствами с самим Александром Македонским, находившимся тогда в Средней Азии. Александр в это время вынашивал замыслы покорения скифов, но открывшиеся ему перспективы на востоке ойкумены, выход к Индии, а затем и смерть, не позволили этим планам осуществиться. Знаменательно, что в одном из наиболее известных и грандиозных «царских» степных курганах третьей четверти IV в. до н.э., Чертомлыкском, помимо обычных для знатных скифов и скифянок украшений (головные уборы, нашивные бляшки-аппликации на одежду с изображениями скифской богини, Геракла, Медузы), были найдены драгоценные изделия, связанные, вероятно, с дипломатическими контактами с Александром Македонским и правителем Боспорского государства Перисадом I¹. В погребальной камере царя был обнаружен набор парадного оружия, в состав которого входили золотой меч, ножны и накладка на горит. Наиболее интересная находка – уникальная по своему оформлению рукоять меча, принадлежавшая персидскому акинаку V в. до н.э., которая в IV в. до н.э. была снабжена ажурным железным клинком и приспособлена для парадного скифского меча. Судьба этой находки могла быть очень необычной. Возможно, меч неоднократно переходил из рук в руки, пока, в конце концов, не попал в могилу скифского вождя в качестве посольского подарка. Этому мечу предназначались ножны, украшенные пластиной с пятью последовательными сценами сражения греков и варваров, в которых принимают участие одиннадцать персонажей. Ножны входили в один набор с золотой накладкой на горит, поверхность которой украшена рельефными изображениями, воспроизводящими сцены из Троянского эпоса, включающие, по традиционному толкованию, эпизоды из жизни Ахилла.

Вторая половина IV в. до н.э. – время наивысшего расцвета Скифии. Именно тогда возводятся колоссальные курганные гробницы для умерших скифских владык, содержавшие богатейшие погребальные дары, свидетельствующие и о постоянных контактах с понтийскими греками, и о накопленных к тому времени в степях богатствах. Некоторые из украшений, выполненных греческими торевтами для скифов или попавших в Скифию иными путями (в качестве даров, покупок или военной добычи), являются

¹ Алексеев 2003 а. С. 239 и сл.

Р. Медведев. Александропольский курган. Середина XIX в. Рисунок. Архив ИИМК РАН

совершенно уникальными изделиями, истинными шедеврами древнего ювелирного искусства, значение которых заключается не только в художественных достоинствах, но и в исторической ценности.

Поступательное развитие Скифии оборвалось внезапно, а ее культура исчезла без видимых внешних причин на рубеже IV–III вв. до н.э. До сих пор ее финал представляет такую же загадку как и начало, порождая немало научных гипотез. Обычно принимается во внимание или внешняя агрессия (натиск новой волны кочевников с востока, на этот раз – сарматов), или неблагоприятное изменение климата и экологической обстановки, или подрыв экономики, или одновременное стечение всех этих разрушительных факторов.

Но если Великая Скифия и прекратила свое существование, это не означало, что оборвалась история самих скифов. Во II в. до н.э. в Крыму возникло небольшое государство – Крымская Скифия – с новыми границами и политическими приоритетами, а возможно, и с новым этническим содержанием, вобравшим в себя разные «варварские» и «полуварварские» народы. Вполне вероятно, что собственно скифы и не представляли собой уже основной этнос, передав наследникам лишь свое название и имена своих царей¹. На протяжении еще нескольких столетий скифы продолжали играть определенную роль в истории этого региона. И лишь в середине III в. н. э. они подверглись, как считается, сокрушительному и окончательному разгрому германским племенем готов, пришедших в Северное Причерноморье с северо-запада. Почти одновременно с Крымской Скифией, приблизительно на рубеже III–II вв. до н.э. в Подунавье (в Добрудже) в окружении местных народов возникла еще одна Малая Скифия, имевшая свою династию царей, монетную эмиссию, но просуществовавшая лишь до начала I в. до н.э.²

Даже после того как сам скифский этнос перестал существовать, родственные ему другие иранские или близкие по кочевому укладу народы сохраняли свою традиционную культуру, во многом близкую скифской, еще долго, чуть ли не до современности. Реминисценции скифского искусства исследователи иногда замечают даже в художественной культуре Средневековья³, а мифологические представления и этнографические реалии, относящиеся в том числе и к скифской эпохе, выявляются исследователями также и в эпическом наследии некоторых современных народов⁴.

Украшение конской узды (наносник). IV в. до н.э., Александропольский курган (Луговая Могила) (с. 251)

Бляха в виде фигурки свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. VII–VI вв. до н.э., Сибирская коллекция Петра Первого (с. 32)

Пластина поясная со сценой под деревом. V–IV вв. до н.э., Сибирская коллекция Петра Первого (с. 34)

Исследование скифской истории началось практически одновременно с появлением в поле зрения историков археологических скифских древностей. Первым известным научным историческим сочинением в российской литературе, в котором упоминаются скифы, является книга «Скифская история» Андрея Лызлова (по разным сведениям, это был то ли стольник из Москвы, то ли священник из Смоленска), написанная им в 1692 г., но впервые изданная только в 1776 г. Этот труд, в котором были использованы и причудливо соединены античные и современные сведения о разных народах, является первой попыткой систематизировать известные к тому времени источники о древнейшем периоде истории России. В начале XVIII в., в эпоху Петра I, вызвавшую повышенное внимание к древней истории славян вообще и русского народа в частности, вопросы, касавшиеся истории скифов, рассматривал по просьбе царя Петра немецкий философ, математик и языковед Готфрид Вильгельм Лейбниц. Интерес к скифской истории приобрел систематический характер после основания в Петербурге в 1725 г. Академии наук. Здесь трудились и исследовали древнейшую историю Феофил Зигфрид Байер, написавший несколько специальных трудов о Скифии и скифских народах, и Герард Фридрих Миллер – известный исследователь Сибири, живо интересовавшийся этнографическими и археологическими памятниками, в том числе и южнороссийскими. Разделы, посвященные скифам и сарматам, включил в свою знаменитую «Историю Российской с самых древнейших времен» (1768) Василий Татищев, этим вопросам уделяли немалое внимание Михаил Ломоносов и Василий Тредиаковский. Правда, следует отметить, что крайне скудный корпус источников предоставлял большую свободу фантазии и порождал не слишком основательные, а иногда и просто наивные научные гипотезы. Так, скифов и сарматов разные ученые и в разное время называли предками то славян, то финнов, то тюрков.

Что касается археологических древностей, то государственная власть России проявила к ним интерес и внимание также в начале XVIII в. Перу Петра I принадлежат первые указы, предписывавшие розыск и описание различных предметов древности, особенно тех, что казались удивительными и необычными («...что зело старо и необыкновенно...») или имели, например, надписи. Характерно, что Петра интересовали не только вещи сами по себе, но и условия их находок, в связи с чем он повелевал «всему делать чертежи, как что найдут». В это время, в связи с началом масштабного научного исследования восточных земель Российской империи, наибольший интерес вызвали именно сибирские древности и прежде всего золотые изделия с изображениями животных и людей, принадлежавшие скифской эпохе. По большей части это была добыча грабителей древних курганов (в Сибири их называли «бугровщиками»), которую доставляли в столицу и передавали лично Петру I. Так была составлена его личная коллекция, впоследствии, после смерти императора, переданная в основанную им в 1714 г. Кунсткамеру и ставшая первым российским музейным собранием. В середине XIX в. эта коллекция из Академии наук была передана в Императорский Эрмитаж и получила название «Сибирская коллекция Петра Первого».

Во второй половине XVIII в., в эпоху императрицы Екатерины II, к России были присоединены обширные территории северопричерноморских степей, Нижнего Приднепровья, Крыма и Прикубанья. Эти события, помимо важнейших политических и экономических последствий для истории России, положили начало и русской археологии как науке. Первоначально отношение государственной власти ко вновь приобретенным южным землям во многом определялось так называемым Греческим проектом, согласно которому Россия должна была стать преемницей Византийской империи, изгнать турок из Европы и создать на присоединенных землях

¹ Дашевская 1989; Зайцев 1999; Зайцев 2000; Пуздровский 2007.

² Андрух 1995.

³ Вагнер 1976. С. 250–257.

⁴ Дюмезиль 1990.

И. П. Вольский. Чертомлыкский курган. Середина XIX в. Рисунок. Архив ИИМК РАН

«Константинопольскую империю». Престол этой империи предназначался младшему внуку Екатерины Константину Павловичу, которого с детства готовили к этой роли. Следы этого так и не осуществленного фантастического политического проекта сохранились до наших дней в названиях таких причерноморских городов, как Севастополь, Симферополь, Мелитополь, Феодосия, Евпатория, Одесса и другие. Сама императрица в 1787 г. совершила путешествие в Новороссийский край и Крым. Одновременно с этим началось научное описание и исследование новых областей России, в том числе и археологическое. Путешествия Василия Зуева, Петра Симона Палласа, Гмелина младшего, Павла Сумарокова по южным землям привлекли внимание к древним степным курганам, в первую очередь скифским, таким как, например, грандиозный Чертомлыкский на правом берегу Нижнего Днепра, и городищам. Любопытными и хорошо образованными путешественниками были правильно отождествлены такие древнегреческие города, как Ольвия в низовьях Южного Буга и Пантикапей на месте современной Керчи.

Но первые раскопки скифских памятников на юге России были произведены еще раньше, в 1763 г., губернатором Новороссийского края генералом Алексеем Мельгуновым¹. По его приказанию был раскопан так называемый Литой (или Мельгуновский) курган, оказавшийся скифской гробницей VII в. до н.э., находки из которой ярко свидетельствовали достоверность сведений античных источников о военных походах скифов в Переднюю Азию. Эти раскопки и положили собственно начало скифской археологии. Характерно, что практически одновременно с раскопками Мельгуновского кургана, Андреем Нартовым в 1763–1764 гг. был осуществлен и первый перевод на русский язык (правда, не с греческого, а с немецкого языка) основного греческого источника о скифах – «Истории» Геродота.

В самом конце XVIII в. на Таманском полуострове инженерный генерал Вандервейде раскопал первый курган у боспорского города Фанагория. В начале XIX в. генералом Петром Сухтеленем были произведены первые раскопки в Ольвии на Южном Буге, а в 1811 г. – в Керчи генералом Семеном Гангеловым. С этого времени (период так называемой генеральской археологии) собственно и началось планомерное исследование территории юга России.

В начале XIX в. почти одновременно с «генеральской» появилась новая плеяда исследователей древностей – просвещенных любителей из средних

¹ Придик 1911.

Бляха в виде фигурки орла с распростертыми крыльями. VII в. до н.э., Мельгуновский (Литой) курган (с. 120)

Гривна. IV в. до н.э., курган Куль-Оба (с. 184). Деталь

Украшение конской сбруи. Вторая половина IV в. до н.э., Александропольский курган (Луговая Могила) (с. 258)

слоев общества: мелких служащих, офицеров, чиновников и купцов. Одними из таких энтузиастов были Поль Дюбрюкс¹, эмигрант из Франции, работавший в Керчи начальником таможни и собравший собственный домашний музей, и Иван Стемпковский, керчь-еникальский градоначальник, с именами которых связаны раскопки в 1830 г. одной из самых известных скифских гробниц IV в. до н.э. – «царского» кургана Куль-Оба. Находки из этого выдающегося памятника сразу же поступили в Императорский Эрмитаж и стали украшением его собрания древностей. Не тронутая грабителями в древности гробница, что является само по себе чрезвычайной редкостью в северопричерноморской археологии, предоставила своеобразный музей шедевров эллино-скифского искусства.

Обстоятельства исследования этого памятника хорошо характеризуют особенности археологических исследований того времени. Насыпь кургана, состоящую из камней, стали разбирать для строительных нужд. Дюбрюкс, догадывавшийся о том, что каменная насыпь является искусственным сооружением, присутствовал при этих работах и действительно вскоре заметил угол какого-то строения из тесаного камня. Через три дня был расчищен вход в каменную, сложенную из огромных, тщательно отесанных блоков, гробницу площадью около 20 квадратных метров. В ней было захоронено три человека. На деревянном ложе покоился царь с массивной золотой гривной на шее, с золотыми браслетами и золотыми нашивными пластинками на одежде. Здесь лежал меч в ножнах, украшенных золотой накладкой, горит, точильный камень с золотым колпачком и прекрасная золотая фиала. Рядом с этим захоронением находилось другое – женское. Женщина была погребена в роскошном уборе, включавшем золотую диадему, гривну, ожерелье, золотые нашивные украшения и прекрасные височные подвески на медальонах которых были изображения головы Афины Партенос, воспроизводящим знаменитую статую Фидия, изваянную в 440-е гг. до н.э. для храма Парфенона в Афинах. В ногах «царицы» лежал знаменитый золотой сосуд с изображениями сцен из жизни скифов – героями мифологической истории происхождения скифов, как следует из интерпретации, предложенной Д. С. Раевским².

¹ Дюбрюкс 2010.

² Раевский 1970.

Археологическая выставка в Эрмитаже. 1910. Фотография. Государственный Эрмитаж

Помимо этого в склепе находилось погребение слуги-конюха, кости лошади, предметы вооружения, многочисленные серебряные парадные сосуды, бронзовые котлы, глиняные амфоры.

После завершения исследования гробницы, туда проникли грабители и обнаружили под плитами пола тайник или, скорее, еще одно, более раннее, захоронение. Именно из него происходит одна из самых известных находок в кургане – золотая пластина в виде лежащего оленя, возвращенная за вознаграждение одним из грабителей. Император Николай I, познакомившись с сокровищами Куль-Обы, был чрезвычайно доволен этими находками, но одновременно с повелением продолжать исследование «подобных куль-обским древностей в гробницах», был вынужден запретить их раскопки без специального на то разрешения.

В 1830–1840-е гг. контроль за изучением и сохранением памятников древности осуществляло Министерство внутренних дел. Императорский указ от 3 июня 1837 г. требовал с «надлежащею точностью и подробностью» сообщать в Министерство внутренних дел обо всех археологических находках. Министр внутренних дел граф Л. А. Перовский создал в 1850 г. Комиссию для исследования древностей, но до утверждения ее официального статуса дело не дошло. Тем не менее, именно Л. А. Перовский организовал в начале 1850-х гг. первые раскопки «царского» скифского кургана в северопричерноморской степи. В 1852 г. он стал министром уделов и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества, и Николай I повелел «все археологические работы считать при кабинете». После смерти Л. А. Перовского в 1856 г. археологическая служба была передана в ведение графу С. Г. Строганову, который почти сразу высказал намерение организовать специальную Археологическую комиссию. И в 1859 г. в России была создана Императорская археологическая комиссия при Министерстве Императорского двора, в задачу которой входило: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как на-

Пластина в виде фигурки лежащего оленя. V в. до н.э., курган Куль-Оба (с. 172)

И. Е. Забелин на VII Археологическом съезде в г. Ярославле. 1887. Фотография

родных, так и других памятниках древности; 3) ученую разработку и оценку открываемых древностей». В распоряжение Археологической комиссии должны были также поступать и все археологические находки. С 1889 г. Археологическая комиссия была наделена исключительным правом на разрешение раскопок. Тесно связанная организационно с Эрмитажем, комиссия передавала в музей наиболее интересные и ценные с научной и художественной точки зрения находки. Остальные древности распределялись по другим музеям России также под ее контролем.

С момента создания Археологической комиссии на юге страны начались масштабные исследования курганных древностей в степной зоне. Но еще чуть раньше, в начале 1850-х гг., в районе Нижнего Днестра в районе Елисаветграда (ныне Днепропетровск) был исследован первый скифский «царский» курган IV в. до н.э. – Александропольский (или Луговая Могила), высота которого достигала 17–20 метров. Примечательно, что это был не только первый, но и единственный большой курган, раскопанный в XIX в. практически полностью. Судьба коллекции из этого кургана оказалась, правда, печальной. В 1932 г. она почти полностью была передана из Эрмитажа в Харьков на Украину, но при эвакуации в 1941 г. во время Великой Отечественной войны харьковских музеев, эшелон с коллекциями попал под немецкие бомбы. В настоящее время лишь немногочисленные находки из Александропольского кургана сохранились в Эрмитаже и в Харькове.

После создания Императорской археологической комиссии развитие скифской археологии Северного Причерноморья оказалось на некоторое время связанным с именем И. Е. Забелина, известного русского историка, раскопавшего в 1859–1863 гг. в Приднепровье несколько скифских курганов, в том числе и знаменитый Чертомлыкский, а также курган Большая Близница на Тамани, проводившего раскопки и в Ольвии. Забелин по основным своим научным интересам был историком России и Москвы, но присущую ему аккуратность и тщательность при работе с историческими документами перенес и на археологические раскопки. Именно поэтому результаты его исследований привели к интереснейшим открытиям при раскопках Чертомлыкского кургана. Но огромные размеры этого кургана (высота около 20 метров, диаметр 115–120 метров), наличие мощной каменной крепицы (стены) вокруг основания насыпи и недостаток финансовых средств не позволили И. Е. Забелину раскопать его целиком. Он исследовал лишь центральную часть. Под насыпью кургана было обнаружено сложное подземное погребальное сооружение: от углов входного колодца глубиной около 11 метров отходили в виде лепестков четыре камеры. В одной из них совершено погребение знатной женщины в сопровождении служанки; здесь же стоял набор серебряной культовой посуды – амфора, блюдо и черпак и глиняные греческие амфоры. В другой камере погребены два воина в богатых уборах и с оружием. В остальных двух размещались «кладовые», где были развешены парадные одежды и головные уборы, стояли глиняные греческие амфоры, бронзовый котел, стрелковое оружие. Основная погребальная камера с захоронением царя, к сожалению, почти опустошенная при древнем ограблении (грабительский ход прошел с северной стороны насыпи через боковую Северную могилу), примыкала к камере царицы. Но древние грабители не обнаружили нескольких небольших ниш в стенках, где находились многие замечательные изделия, в том числе: горит с золотой оболочкой, мечи, и среди них уникальный ахеменидский, ножны с золотой накладкой, золотые нашивные бляшки.

Рядом с центральной могилой были сооружены еще три для погребальных коней в золотых и серебряных уборах. Здесь же находились две могилы «конюхов».

Уже в новейшее время в течение нескольких лет (1979, 1981, 1983–1986) совместными усилиями украинских и немецких археологов (под руководством

Амфора. IV в. до н.э., Чертомлыкский курган (с. 195)

Н. И. Веселовский. Фотография. Государственный Эрмитаж

Б. Н. Мозолевого, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле) было проведено исследование кургана, позволившее выявить конструктивные, инженерные, архитектурные особенности насыпи кургана и некоторых погребальных сооружений. Было также открыто несколько погребений, в том числе большая боковая Северная могила, к сожалению, также ограбленная в древности. По имеющимся данным (клейма на греческих амфорах, греческая чернолаковая посуда, художественный стиль некоторых находок, в том числе нашивных бляшек) можно предположить, что основное погребальное сооружение кургана Чертомлык относится к 340–320 гг. до н.э., а впускная Северная могила – к самому концу IV в. до н.э. Предложено несколько гипотез, идентифицирующих погребенного в Чертомлыке царя или как известного царя Атея, воювавшего с царем Македонии Филиппом II, или как одного из безымянных скифских царей, вступавших в дипломатические переговоры с Александром Македонским (Арриан IV, 15). Обе версии позволяют сузить дату совершения основного захоронения в кургане до 339–329/328 гг. до н.э.

В конце XIX – начале XX в. самым известным и удачливым исследователем северопричерноморских курганов, в том числе и скифских, являлся профессор Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский. Достаточно сказать, что на его счету были такие всемирно знаменитые памятники, как Майкопский курган, датирующийся концом четвертого тысячелетия до н.э., раскопанный на Северном Кавказе в Закубанье в 1897 г., скифские курганы – Костромской (1897), Ульские (1908–1910), Келермесские (1904, 1908) и многие другие. Ему принадлежат раскопки в том числе и двух величайших «царских» скифских курганов конца V–IV вв. до н.э. в степном Северном Причерноморье. В 1891–1894 гг. Н. И. Веселовский частично исследовал курган Огуз (раскопки его были завершены только в 1970–1980 гг. украинскими археологами), а в 1912–1913 гг. один из самых знаменитых скифских памятников курган Солоха, в гробницах которого были обнаружены выдающиеся произведения эллино-скифского искусства – знаменитый золотой гребень, увенчанный скульптурной батальной сценой, золотая фиала с изображениями в зверином стиле, серебряная накладка на горит со сценой из скифского эпоса или мифологии и серебряная чаша со сценами охоты скифов на льва и фантастическую львицу.

Под курганной насыпью, высота которой достигала 18 метров, а диаметр около 110 метров, находились две могилы: центральная и боковая (более поздняя). Центральная могила была ограблена еще в древности, но несмотря на это в двух ее камерах, одна из которых предназначалась для человеческих захоронений, а другая служила «кладовой», сохранились некоторые предметы погребального инвентаря: серебряный килик с надписью ЛΥΚΟ, золотые нашивные бляшки от парадных одежд, золотая игла, греческие амфоры, бронзовые наконечники стрел и т. д. Помимо этого полностью сохранилась и могила, содержащая захоронения двух коней в уборах с золотыми украшениями. Судя по имеющимся данным, в гробнице были захоронены мужчина и женщина.

Впускная (боковая) могила оказалась нетронутой грабителями и содержала захоронение царя в сопровождении трех человек с пятью лошадьми. Основное погребение царя было произведено в отдельной нише подземной гробницы. Его останки сопровождал чрезвычайно богатый набор погребальных предметов. Одежда украшена золотыми нашивными бляшками, на шее золотая гривна, на груди золотая наборная сетка, на руках пять золотых браслетов. Слева от погребенного лежали два меча, один из которых имел украшенную золотом рукоять и золотые ножны. Здесь же лежал серебряный горит со стрелами, поверх которого была положена золотая фиала. Справа от погребенного находился золотой гребень, украшенный великолепной скульптурной сценой сражения скифов, шестопер (булава), бронзовый греческий шлем, переделанный скифским мастером, как часто поступа-

Н. И. Веселовский на раскопках кургана Солоха. 1913. Фотография. Государственный Эрмитаж

Курган Солоха. 1912. Фотография. Государственный Эрмитаж

ли с античными шлемами в варварской среде, и многочисленные серебряные сосуды разной формы, глиняный греческий килик, бронзовые поножи. Здесь находились глиняные греческие амфоры, ритон, бронзовые литые котлы.

По имеющимся данным (даты греческого килика, амфор, предметов конского убора и современные радиоуглеродные датировки) первичная могила кургана Солоха была сооружена в конце V в. до н.э., а впускная – в начале IV в. до н.э. Но следует иметь в виду, что до настоящего времени останцы этого выдающегося памятника скифской культуры так и остаются до конца не исследованными.

После начала Первой мировой войны археологические исследования в Северном Причерноморье не прекратились. Уже после Октябрьской революции в Петрограде в 1918 г. был опубликован последний Отчет Археологической комиссии, в котором содержались сведения о раскопках за 1912–1915 гг. Последним же отголоском масштабных раскопок на юге России было, возможно, исследование в 1917 г. Н. И. Веселовским одного из Елизаветинских курганов в Кубанской области, материалы которых привлекли внимание ученых благодаря грандиозности могильных сооружений, пышности и богатству погребального инвентаря.

Таким образом, основная часть скифского собрания Эрмитажа сложилась еще до 1917 г., после которого на долгое время в исследованиях скифских курганных древностей наступил перерыв. К этому времени большинство скифских памятников уже находились в собрании Императорского Эрмитажа и были выставлены на всеобщее обозрение в залах, называвшихся в то время Никопольским и Керченским, и в Зале древностей юга России¹.

Археологические исследования возобновились, причем в масштабах гораздо более значительных, чем раньше, через тридцать–сорок лет и успешно продолжают до настоящего времени. Пополнялась новыми находками и эрмитажная коллекция. Особенно важными следует признать раскопки в 1940–1950-х гг. знаменитых алтайских «ледяных» курганов –

¹ Макаренко 1916. С. 43–93.

К. А. Ухтомский. Зал древностей Боспора Киммерийского (северная часть). 1853. Акварель. Государственный Эрмитаж. Деталь

Туэктинских, Башадарских, Пазырыкских, находки которых предоставили ученым уникальные материалы, остававшиеся практически неизвестными в курганах Северного Причерноморья – предметы быта и искусства, выполненные из органических материалов – кожи, войлока, шерсти, дерева. В Эрмитаже на основе старых и новых материалов создавались временные и постоянные экспозиции, последние из которых относятся уже к настоящему времени.

В связи с проблемами происхождения скифской культуры и ее древнейшей историей в последние годы усилился интерес именно к древностям с территории Сибири и Центральной Азии. В этой связи необходимо отметить раскопки Чиликтинских курганов VII–V вв. до н.э., произведенные в Казахстане в 1960 г. С. С. Черниковым¹. Еще большее значение имеют результаты раскопок в Туве в 2001–2004 гг. российско-германской экспедицией под руководством К. В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера кургана второй половины VII в. до н.э. Аржан-2, часть материалов из которого хранится ныне в Эрмитаже. Эти раскопки позволили во многом по-новому взглянуть на раннюю историю скифского искусства и ювелирной техники, а также и на социальную историю кочевников.

¹ Черников 1965.

Бляшка нашивная в виде фигурки лежащего оленя. VII в. до н.э., могильник Чиликты, курган № 5 (с. 50)

Сосуд с изображениями скифов. IV в. до н.э., курган № 3 из группы «Частых курганов» (с. 244). Деталь

Все отмеченные выше археологические памятники принадлежали верховным владыкам или представителям высшей племенной знати, статус которых на протяжении почти всей тысячелетней история скифов так или иначе был связан с золотом и во многом поддерживался именно золотом. Из золота изготавливались вещи, имевшие особое значение как для частной, так и, прежде всего, для общественной жизни скифов. Одним из отличительных внешних признаков скифской материальной культуры, как о том можно судить по известным нам древностям, была вообще любовь кочевников к роскоши и богатству, символом которых с древности считалось именно золото. Впрочем, эта хорошо заметная глазу современного исследователя особенность, иногда странным образом оставалась как бы незамеченной современниками скифов. Не случайно именно в античную эпоху сложился образ бедных, но свободных и мудрых скифов, не затронутых пороками цивилизованного мира: «Понт Эвксинский... сравнительно со всеми другими странами населен самыми невежественными племенами; исключение составляют скифы. Ведь нет ни одного племени у Понта, которое бы выдавалось мудростью, и мы не знаем ни одного ученого мужа, кроме скифского племени и Анахарсиса» (Геродот IV, 46). Царевич Анахарсис, происходивший, согласно легендарной традиции, из царского скифского дома, был вообще очень популярным персонажем у греков и иногда включался ими даже в число величайших мудрецов Эллады. Согласно этой же традиции он совершил в VI в. до н.э. путешествие по Греции и Малой Азии для изучения чужих обычаев и посетил знаменитых своей мудростью или богатством людей того времени – афинянина Солона и лидийца Креза. Анахарсису даже приписывалось авторство некоторых замечательных изобретений, например гончарного круга и двузубого морского якоря. Правда, судьба Анахарсиса оказалась весьма печальной. После возвращения домой он был убит своим братом, царем Савлием, якобы за приверженность чужим традициям и богам, хотя в действительности суть конфликта состояла, по всей видимости, в каких-то династических распрях.

Впрочем, подобный «идеализирующий» взгляд на некоторых «питающихся молоком» и «справедливейших» кочевников стал особенно заметным в эллинистическую эпоху после трудов греческого писателя Эфора¹. Но он был уместен лишь тогда, когда охватывал скифскую культуру в целом, не выделяя в ней специально или по каким-то причинам не придавая особого значения некоторым обычаям и традициям, связанным, например, с погребальными обрядами или жизнью скифских царей и знати. Не случайно тот же Геродот что-то в обычаях скифов оценивал положительно («... никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством... захватить их невозможно»), но очень многое – нет («...а все прочее я не одобряю»). Тем не менее, такая черта, как любовь к золоту у некоторых «скифских» народов, иногда подчеркивалась специально: «Для изготовления копий, наконечников и секир они [массагеты] употребляют медь, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Точно также лошадям на груди они надевают медные панцири, а уздечки, удила и фалары [украшают] золотом» (Геродот I, 215). В некоторых случаях подмеченная тяга варваров к обилию золотых украшений могла принимать откровенно негативное значение, являясь показателем их «изнеженности», как это звучит у Геродота в характеристике агафирсов – ближайших соседей скифов и даже их родственников, согласно одной из легенд о происхождении скифов (IV, 104).

Совсем иное, более глубокое, понимание значения золота в культуре древних кочевников (не получившее, впрочем, прямого объяснения у их

¹ Иванчик 2005. С. 33 и сл.

Сосуд с изображениями скифов. IV в. до н.э., курган № 3 из группы «Частых курганов» (с. 244). Деталь

Навершие в виде скифской богини. Вторая половина IV в. до н.э., Александропольский курган (Луговая Могила) (с. 262)

современников) следует из весьма красочного описания погребения скифского царя, в котором Геродот перечислил все, что хоронили в могиле вместе с покойным, в том числе «и золотые чаши, – а серебром и медью они совсем не пользуются» (Геродот IV, 71). Опираясь только на это последнее замечание, уже можно с уверенностью допустить существование в скифском обществе важного социального регламента, прямо связывающего высшую прослойку скифского общества – царей и аристократию – с золотом. То же хорошо зафиксировано и в древнеиндийской традиции: так, например, в ведических текстах Шатапатхи Брахманы (первая половина первого тысячелетия до н.э.) прямо говорится: «Золото являет собой образ нобилитета»¹.

Реальность, разумеется, могла быть и иной, в гробницы скифской знати, включая и высшую, на протяжении многих столетий в качестве заупокойных даров помещались изделия и из серебра, и из меди (бронзы) с железом, и из других материалов. Но только золоту придавалось значение особого «царского» металла, только оно обеспечивало и посмертное «блаженство» военной знати и царей, составлявших социальную верхушку в различных древних обществах.

Об особом значении золота свидетельствует и один из рассказов о происхождении скифов, именно тот, где Колаксаю, младшему сыну первого человека на скифской земле Таргитая, удастся овладеть священными золотыми дарами, упавшими с неба – плугом с ярмом, секирой и чашей. Именно Колаксай стал родоначальником скифских царей, называвшихся паралатами (по одной из версий, от авест. para-dāta – стоящие во главе)². При этом характерно, что при попытках старших братьев приблизиться к небесным дарам, золотые предметы воспламенялись. Таким образом, на основании этих сведений устанавливается совершенно ясная цепочка взаимосвязанных явлений, характерная для скифской мифоритуальной концепции: небо, золото, огонь/красный цвет, цари. Это находит подтверждение и в материалах, касающихся других иранских народов древности, современников скифов. Например, мидийский царь Астиаг ездил на коне с золотой уздечкой, а за колесницей персидского царя Кира из царских конюшен выводили около 200 коней, украшенных золотой сбруей (Ксенофонт. Киропедия I. III, 31; VIII. III, 16). Царь Ксеркс, заключив соглашение о дружбе с жителями города Абдеры, пожаловал им, видимо в знак особого статуса, золотой акинак и шитую золотом тиару (Геродот VIII, 120).

Таким образом, золото как небесный, священный металл, обладающий к тому же рядом прекрасных и уникальных физических свойств («солнечный» цвет, мягкость и пластичность, легкость в обработке, нетленность), издавна приобрело значение символа власти и самого высокого социального положения владельца. Звериный стиль, воплощенный в золоте, как основное проявление искусства скифов также был связан, прежде всего, с воинской и аристократической средой, что особенно характерно для раннего периода скифской истории³. Скифский звериный стиль – направление, обусловленное единством идейно-художественных норм и особенностей творчества ранних кочевников северной Евразии в скифскую эпоху⁴. В рамках этого направления может быть выделено множество локальных стилей (центральноазиатский, южноуральский, прикамский, поволжский, северопричерноморский), отражающих как этнокультурное единство, так и отличия конкретных общностей населения степной и лесостепной зон Евразии. Древнейшие предметы, выполненные в скифском зверином

¹ Цит. по: Лелеков 1987. С. 26.

² Тохтасев 2005. С. 86, 87 с лит.

³ Хазанов, Шкурко 1976.

⁴ Королькова 2006. С. 144 и сл.; Переводчикова 1994.

Ножны. IV в. до н.э., курган Куль-Оба (с. 178)

Комплект уздечных украшений (фалар). Вторая половина IV в. до н.э., курган Огуз (с. 243)

стиле, открыты в Центральной Азии и относятся к IX–VIII вв. до н.э. (курган Аржан в Туве). Звериный стиль является знаковой системой, в которой доминируют образы реальных хищных и травоядных животных, а также фантастических существ: свернувшийся в кольцо кошачий хищник, хищная птица, волк, лежащий олень, лось, козел, баран, грифон и другие, предназначенные для воплощения различных идеологических представлений – религиозных, мифологических, социальных, эстетических. На раннем этапе преобладали изолированные фигуры животных, сменившиеся изображениями, в которых показано действие, прежде всего, сцены терзания. Использование в скифском зверином стиле зооморфных мотивов объясняется символическим характером изобразительных знаков, передающих мифологические и космологические концепции и отражающих представления о вертикальной структуре мифологической модели мира, в которой верхней, небесной зоне скифского Космоса, соответствовал образ птицы; средней, надземной зоне – травоядное животное; нижней, подземной – хищник или фантастическое существо. Сцены борьбы и терзания травоядного животного хищником символизировали акт сакрального жертвоприношения, порождение новой жизни и внесение в мир космической упорядоченности.

Золото и его связь с различными божествами древнегреческого, иранского или индийского пантеонов олицетворяло незыблемость власти царей и социальную стабильность общества в целом. При этом в религиозных представлениях и в ритуалах многих индоиранских народов основные известные металлы всегда составляли определенную иерархию. И если золото ассоциировалось с царским и воинским достоинствами, то серебро могло соответствовать жреческому статусу, а бронза или железо принадлежали более низким слоям общества. Но подобное ранжирование носило, скорее, ритуальный характер. В иных случаях использование не золота, а серебра в декоре парадных или погребальных скифских изделий могло свидетельствовать, например, о просто относительно невысоком ранге их владельца¹. Это, разумеется, не означало, что золотыми вещами вообще не могли пользоваться те скифы, чье общественное и социальное положение было намного ниже царского. Скорее, следует предположить существование для каждого или нескольких поколений в истории Скифии некоего регламентированного набора знаковых категорий вещей из золота или украшенных золотом, разных для мужчин и женщин: головные уборы, шейные гривны и ожерелья, браслеты, перстни, украшения одежды, сосуды, оружие, конская узда, сочетание которых, включая их количественные параметры, и определяло в особых случаях (официальные мероприятия, отправление

¹ Алексеев 2006 б. С. 43–65.

Гривна. Начало IV в. до н.э., курган Солоха, боковое погребение. Деталь (с. 148)

культов, праздники или погребение) место конкретного человека в обществе. Во времена, предшествующие скифам, у индоиранцев был определенный набор предметов, характерный для воинской элиты, сражающейся на колесницах: копье, кинжал, меч, лук, пояс с колчаном и стрелами, пояс для кинжала, праща с камнями, панцирь, гривна, шлем, нащечники, на-ножники¹. Так и у скифов, например, в одной из гробниц кургана Солоха был погребен царь с двумя копьями, двумя мечами, поясом и горитом со стрелами, железным чешуйчатым панцирем, бронзовым шлемом, золотой гривной на шее и пятью золотыми браслетами на руках. Его одежда была украшена многочисленными нашивными бляшками с различными изображениями (олени, львы, побратимы), рукоять меча и ножны имели золотые накладки, а на горите с серебряной и позолоченной накладками была закреплена золотая массивная фиала, выполнявшая роль своеобразного умбона. Рядом с погребенным были размещены парадные сосуды, на одном из которых, серебряном с позолотой, представлены сцены героической или мифической охоты.

Разумеется, далеко не всегда подобные статусные вещи действительно изготавливались целиком из золота; иногда было достаточно, например, позолоты или золотых накладок на сосуды, украшения или оружие, основа которых была совсем из других материалов. Но даже только обозначение золота, особенно на вещах с «текстами», составленными зооморфными и сюжетными изобразительными композициями, всегда оставалось в древности знаком и символом особого высокого положения владельца.

Литература по истории скифских древностей из собрания Эрмитажа:

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский «царский» курган IV в. до н.э. Киев, 1991.

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.

Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973.

Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.

Древности Геродотовой Скифии. Вып. 1. СПб., 1866; Вып. 2. СПб., 1872. Материалы по археологии России.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987.

Придик Е. Мельгуновский курган 1763 г. // Материалы по археологии России, № 31. СПб., 1911.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Черников С. С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери Долины царей. СПб., 2004.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986

¹ Акишев 1984. С. 121.

**БЛЯХА В ВИДЕ ФИГУРКИ СВЕРНУВШЕГОСЯ
В КОЛЬЦО КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА**

VII–VI вв. до н. э.

Золото; литье

8,9 × 10,9 см

Сибирская коллекция Петра Первого

Грабительские раскопки первой четверти XVIII в.

Инв. № Си 1/88

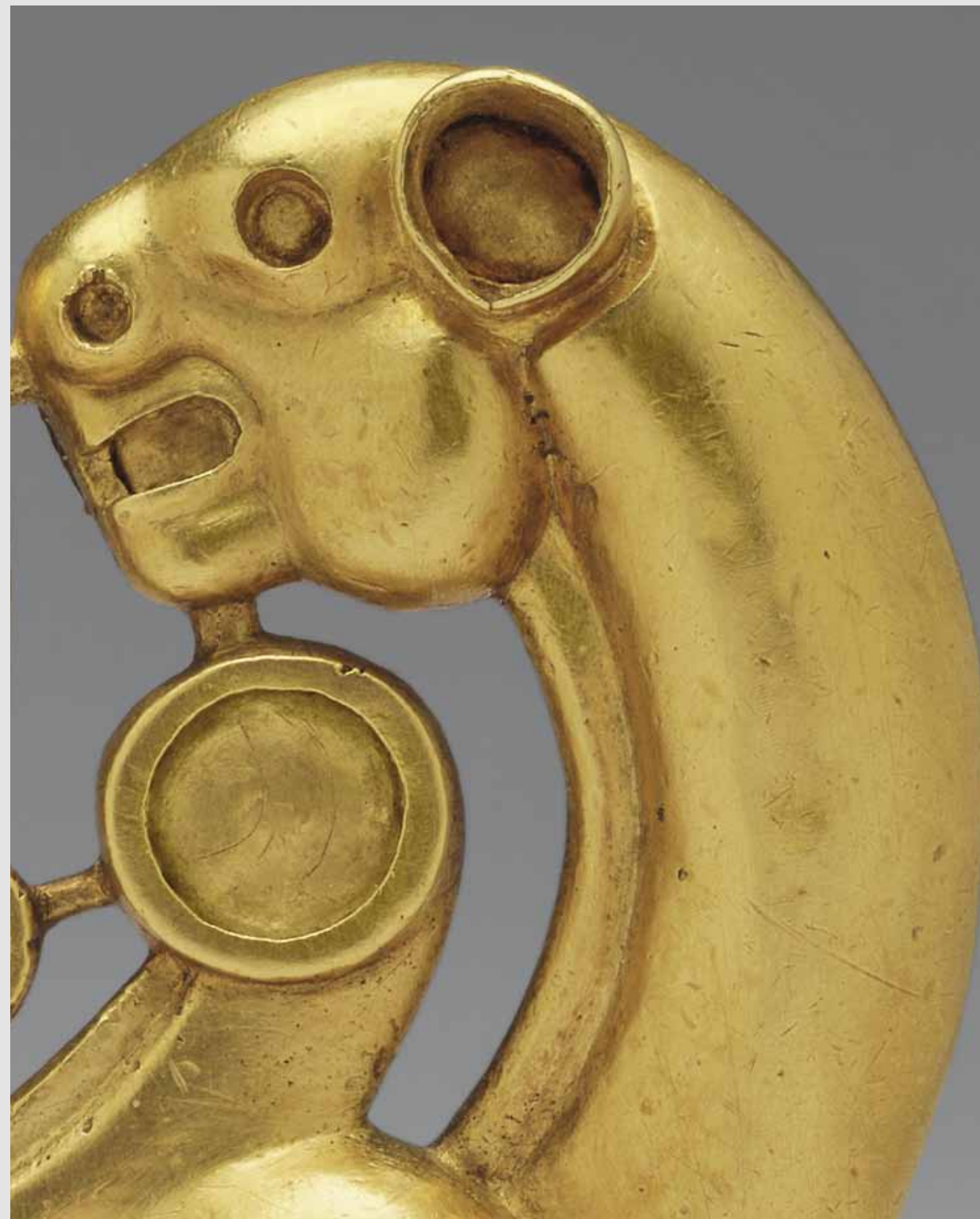
Рельефное изображение свернувшегося кошачьего хищника (условно подобное животное в исследованиях скифского искусства получило наименование «пантера») относится к одному из древнейших образов в скифском зверином стиле эпохи ранних кочевников. Этот мотив, несомненно, представляет собой идеограмму,

чрезвычайно значимую в мировоззрении древних кочевников Евразии. Лапы и хвост хищника заканчиваются круглыми гнездами, которые в древности были, скорее всего, заполнены цветными вставками, возможно из бирюзы. Инкрустированы были также ухо, ноздря, глаз и пасть, что особенно характерно для памятников

восточной провинции раннескифского искусства.

На обороте находятся три кольца-петли для продевания ремней, свидетельствующие о том, что бляха, скорее всего, служила нагрудным конским украшением.

Литература: Руденко 1962. Табл. VI, 1; Артамонов 1973. С. 126, 127.

ПЛАСТИНЫ ПОЯСНЫЕ СО СЦЕНОЙ ПОД ДЕРЕВОМ

V–IV вв. до н. э.
Золото; литье, чеканка
16,1 × 12,3 см
Сибирская коллекция Петра Первого
Грабительские раскопки первой четверти XVIII в.
Инв. № Си 1/162

Выполнены в невысоком рельефе в технике литья с последующей чеканкой. На оборотной стороне, вся поверхность которой имеет явственный отпечаток ткани (след технологической операции), сохранились петли для продевания ремня. Богатое оформление поясов и художественно исполненные пряжки с изобразительными мотивами – явление,

характерное для скифской эпохи. С глубиной древности украшения, замыкающиеся в окружность (ожерелья, гривны, браслеты, пояса) выполняли функцию «охранительного кольца», магического круга, выступающего как преграда для вредоносных сил. Присутствие антропоморфных персонажей в искусстве древних кочевников определяет высокий семантический

статус предметов, на которых они представлены, а также принадлежность их владельцам к особому рангу. Несомненно, все подобные изображения следует рассматривать в мифологическом или эпическом контексте. Данная сцена носит сакральный характер и отражает тему жизни и смерти, главную для изобразительного искусства древности. Поэтому женское божество, связанное

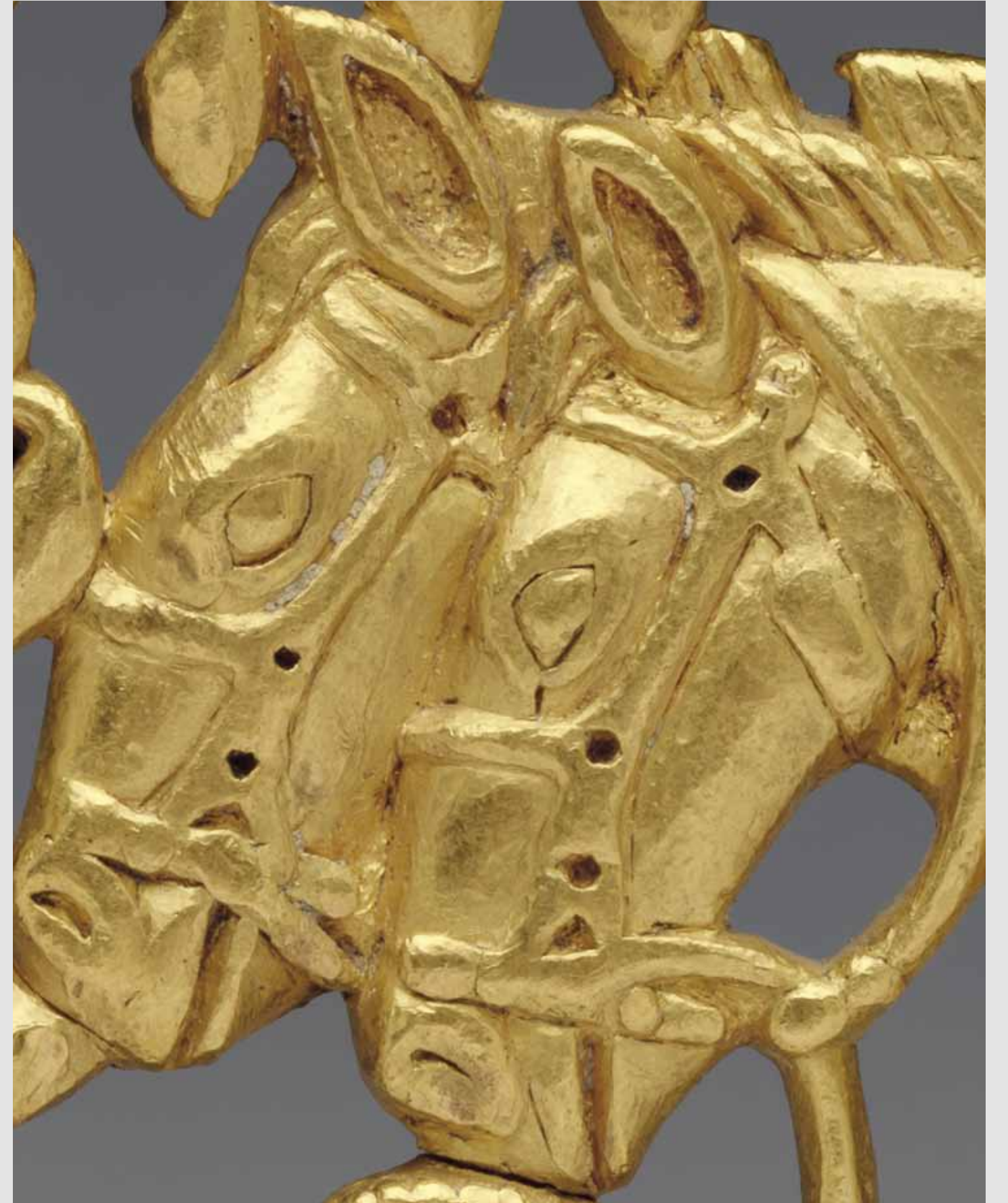

с землей и растительностью (дерево на изображении – аллегория на древо жизни), возможно, олицетворяет Великую Мать, которая дает жизнь и в то же время ассоциируется с хтоническими силами и миром смерти. Известно, что в архаических обществах брачные обряды теснейшим образом связаны с представлениями о смерти и похоронными ритуалами. Висящий на де-

реве в центре композиции горит (или колчан) заставляет вспомнить сведения Геродота о том, что у кочевников колчан играл существенную роль в момент соития с женщиной (Геродот I, 216). Сцена под деревом может быть увязана с сюжетом, в котором смерть героя мистически сопряжена с его священным браком с богиней – Великой Матерью. Такой брак понимался как

залог возобновления жизни и бесконечного осуществления полного цикла – умирания и возрождения.

Литература: Грязнов 1961. С. 25, 26; Руденко 1962; Артамонов 1973. С. 140, 141; Завитухина 1977. Рис. 1.

ГРИВНА С ФИГУРКАМИ ХИЩНИКОВ НА КОНЦАХ

V–III вв. до н. э.
Золото, бирюза; чеканка, гравировка
Диаметр 25,0 см
Сибирская коллекция Петра Первого
Грабительские раскопки первой четверти XVIII в.
Инв. № Си 1/62

На концах гривны стилизованные фигурки кошачьего хищника, возможно тигра. Моделировка морды хищника типична для иранского изобразительного искусства эпохи Ахеменидов. Изображения отличаются декоративностью, усиленной инкрустацией фигурными вставками из бирюзы, большая часть из которых утрачена. Стиль изображе-

ний ассоциируется с кругом ирано-бактрийских памятников ахеменидского времени и с резьбой по дереву в алтайском зверином стиле той же эпохи. Хвост зверя заканчивается головкой грифона – деталь, характерная для скифо-сибирского звериного стиля. В культуре Ахеменидского Ирана, с которым евразийские ираноязычные ко-

чевники поддерживали весьма тесные контакты, золотые гривны и браслеты, также как и в скифо-сарматской среде, играли апотропеическую роль и служили знаком принадлежности к знати. Литература: Толстой, Кондаков 1890. С. 48. Рис. 50; Руденко 1962. С. 45. Табл. XVI, 1; Артамонов 1973. С. 169, 170. Ил. 218; Иванов, Луконин, Смесова 1984. С. 17. Кат. [3] 456.

ПЛАСТИНА ПОЯСНАЯ СО СЦЕНОЙ НАПАДЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ХИЩНИКА НА ЛОШАДЬ

IV–III вв. до н. э.
Золото; литье, чеканка, пайка
12,3 × 8,2 см
Сибирская коллекция Петра Первого
Грабительские раскопки первой четверти XVIII в.
Инв. № Си 1/6

Одна из пары симметричных фигурных пластин от поясной застёжки. На лицевой стороне имеется крюк, на оборотной – припаяны четыре петли. На бляхе изображена сцена терзания, в которой фантастический крылатый зверь с телом кошачьего хищника и рогами козла нападает на поверженную лошадь, вгрызаясь в ее загривок.

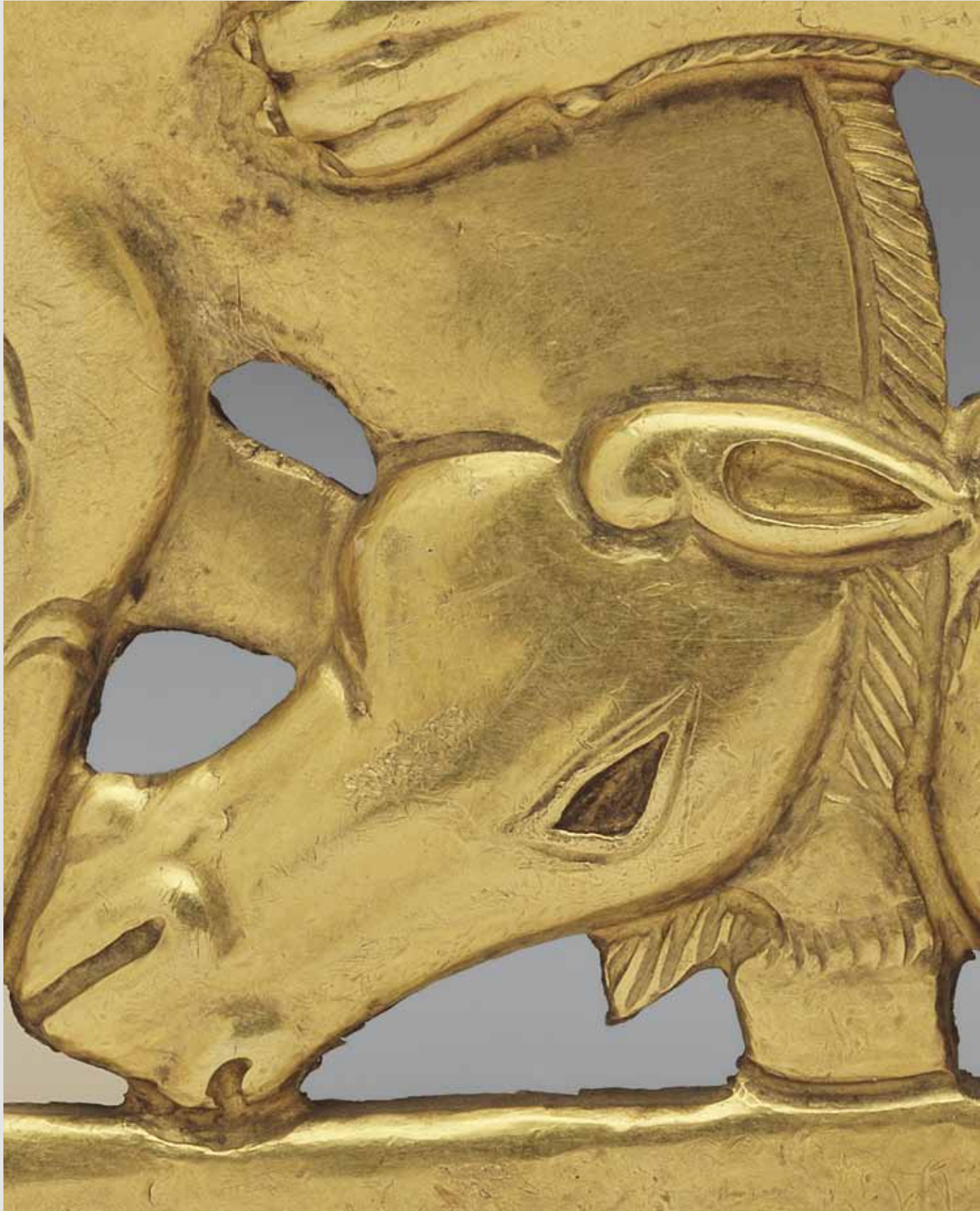
Вся композиция построена на ритме S-образной кривой (линии красоты, как она названа Уильямом Хогартом в «Анализе красоты»). Крупы монстра и коня перевернуты на 180 °, так что задние ноги коня оказываются поднятыми вверх, а лапы хищника развернуты вертикально по внешнему краю. Крыло и загривок чудовища, грива

коня, ноги и изогнутая линия хребта у обоих животных показаны косым рубчиком. Необычна манера изображения ушей – они намеренно развернуты в противоположную естественному положению сторону. Бедра коня и хищника были украшены вставками (не сохранились), вероятно, из бирюзы, в виде орнаментального

геометрического мотива, состоящего из круга с примыкающими к нему с двух сторон разнонаправленными криволинейными треугольниками, который был характерен для древнеиранских ювелирных изделий.

Литература: Руденко 1962. Табл. VIII, 7; Завитухина 1977. С. 47. Рис. 3:18.

**ГРИВНА МНОГОВИТКОВАЯ
С ФИГУРКАМИ ХИЩНИКОВ НА КОНЦАХ**

IV–III вв. до н. э.
Золото, бирюза, паста; литье, ковка, резьба, инкрустация
Диаметр 33,0 см
Сибирская коллекция Петра Первого
Грабительские раскопки первой четверти XVIII в.
Инв. № Си 1/58

Спиральная гривна в три с половиной оборота с удлиненными фигурками кошачьего хищника (тигра) на концах. Длинный хвост заканчивается головкой грифона или хищной ушастой птицы. Тело зверя отделано вставками из бирюзы и стеклянной пасты, часть из которых утрачена. Рельефные контуры вставок и рит-

мичность их расположения создают эффект полосатой шкуры тигра. Многовитковые гривны появились в культуре евразийских кочевников в V–IV вв. до н. э., но стали особенно популярными в более позднее время. Литература: Руденко 1962. С. 45. Табл. XI, 5; Артамонов 1973. С. 182, 183. Ил. 235, 238.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ

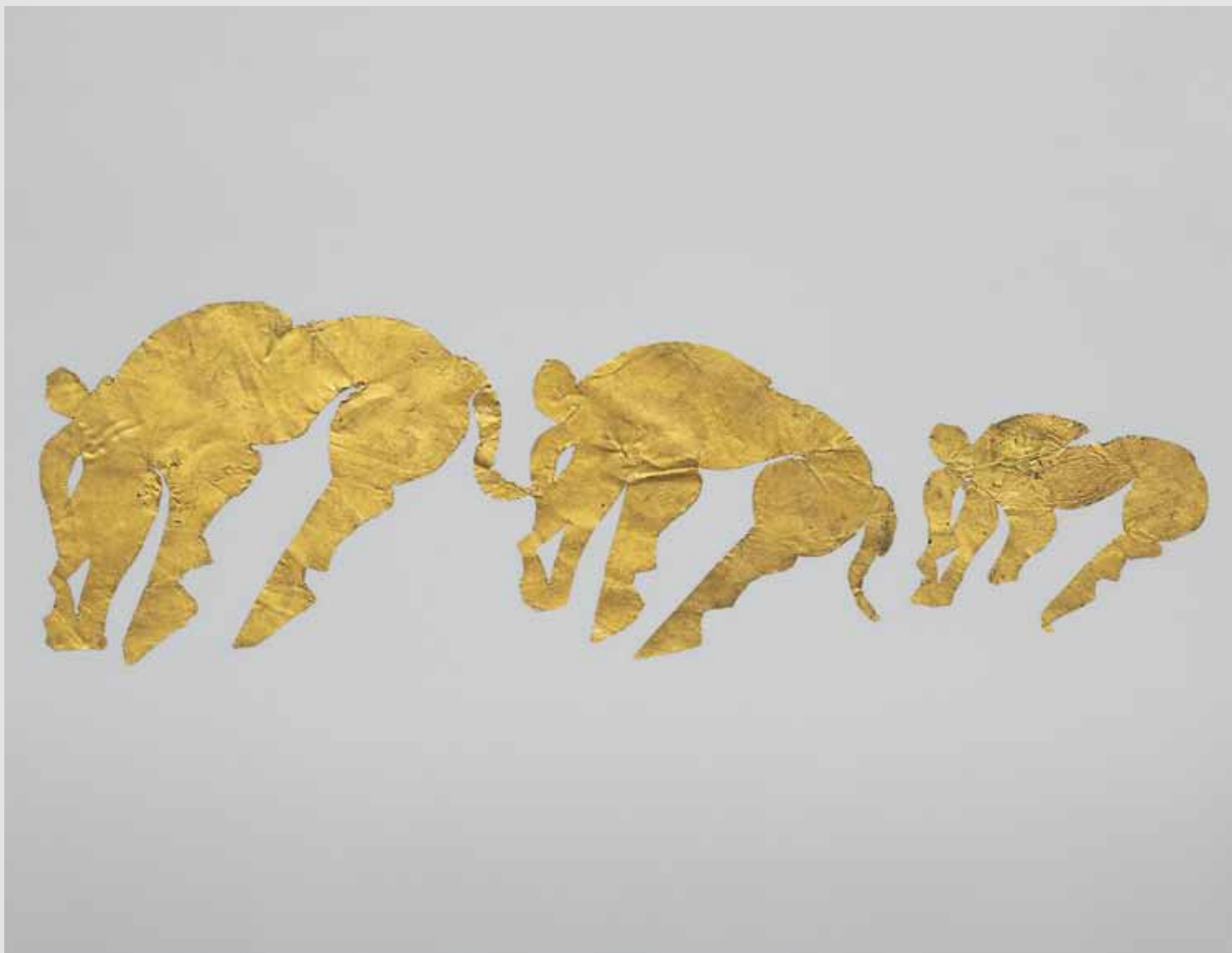
VII в. до н. э.
Золото, бирюза; тиснение
Длина 7,0–7,1 см
Восточный Казахстан, могильник Чиликты, курган № 5
Раскопки С. С. Черникова в 1960 г.
Инв. № 2326/1

Ажурные бляшки, тисненные из золотого листа, с частично сохранившимися вставками из бирюзы. Вместе с еще двенадцатью подобными бляшками служили украшением горита или колчана. Передают один из основных и древнейших образов скифского звериного стиля – лежащего жертвенного оленя с подогнутыми ногами и заки-

нутыми на спину рогами – в варианте, характерном для восточной провинции этого художественного направления.

Литература: Черников 1965. С. 25–30. Табл. XI.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК КАБАНА

VII в. до н. э.

Золото; вырезаны из тонкого листа

5,0 × 3,0 см

Восточный Казахстан, могильник Чиликты, курган № 5

Раскопки С. С. Черникова в 1960 г.

Инв. № 2326/2

Кабаны изображены в так называемой позе внезапной остановки, что могло символизировать мертвое или жертвенное животное. Кабан очень широко распространен в Евразии и является существом, имеющим как бы двойственную природу. Будучи копытным и питающимся преимущественно растительной пищей, он в то же время

может быть плотоядным, агрессивным и очень опасным. Именно поэтому кабан воспринимался в древности как особое существо, относящееся одновременно и к средней, и к нижней зоне Космоса.

Учитывая отсутствие отверстий или петелек для нашивания, можно предположить, что эти тонкие пластинки

наклеивались на поверхность какого-либо предмета.

Литература: Черников 1965. С. 34–37. Табл. XVII.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК СВЕРНУВШЕГОСЯ
В КОЛЬЦО КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА**

VII в. до н. э.
Золото; тиснение
1,5 × 1,8 см
Восточный Казахстан, могильник Чиликты, курган № 5
Раскопки С. С. Черникова в 1960 г.
Инв. № 2326/4

Бляшки служили украшением одежды. Поза этого хищного животного символизировала замкнутое, защищенное пространство, следовательно, подобные украшения могли восприниматься владельцем как своеобразные обереги.
Литература: Черников 1965. С. 34, 35. Табл. XV.

**ИЗОБРАЖЕНИЕ РЫБЫ,
УКРАШЕННОЕ ВСТАВКАМИ И ЗЕРНЬЮ**

VII в. до н. э.
Золото, бирюза; басма, зернь, пайка, инкрустация
10,3 × 1,7 см
Восточный Казахстан, могильник Чиликты, курган № 5
Раскопки С. С. Черникова в 1960 г.
Инв. № 2326/6

Рыба – довольно редкий образ в искусстве ранних кочевников Евразии. В качестве определенного знака в образительных текстах мифологического или космологического характера она могла символизировать нижнюю, подземную и подводную, зону Космоса, тогда как травоядные и рогатые животные соотносились с его сред-

ней зоной, а крылатые существа, прежде всего хищные птицы, – с верхней, небесной.
Литература: Черников 1965. С. 37–39. Табл. XIX.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК КАБАНА

VII в. до н.э.

Золото; литье, пайка

1,6 × 2,4 см

Центральная Азия, Тува, курган Аржан-2

Раскопки К. В. Чугунова в 2001 г.

Инв. № 2917/1

Кабан – один из древнейших образов скифского звериного стиля, зародившийся в Центральной Азии. Прием изображения животных с сомкнутыми ногами также характерен именно для Центральной Азии. Эти бляшки украшали горит или налучье с колчаном. Их размещение на предметах вооружения хорошо согласуется с известной свирепостью и силой этого животного.

Литература: Čugunov, Parzinger, Nagler 2010.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК
КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА (ТИГРА ИЛИ ЛЬВА)**

VII в. до н. э.

Золото; литье, пайка

1,1 × 2,0 см

Центральная Азия, Тува, курган Аржан-2

Раскопки К. В. Чугунова в 2001 г.

Инв. № 2917/20, 21

Бляшки украшали верхнюю одежду погребенного царя. Образ кошачьего хищника, несомненно, был тесно связан с функциями и свойствами, которые приписывались покойному владыке – быть хищным, сильным и непобедимым. Золото же, которым обильно украшалась его одежда, подчеркивало то особое положение, которое он занимал в местном обществе.

Литература: Čugunov, Parzinger, Nagler 2010.

НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ С АППЛИКАЦИЕЙ

VII в. до н.э.

Железо, золото; ковка, аппликация

4,1 × 1,3 см

Центральная Азия, Тува, курган Аржан-2

Раскопки К. В. Чугунова в 2001 г.

Инв. № 2917/25

Очень редкий и необычный предмет вооружения. Древние кочевники среди всех других предметов вооружения и охоты придавали стреле особое значение. На стрелы, железные и бронзовые, могли наносить различные знаки и метки, но при этом они довольно редко художественно украшались. Здесь же мы видим сцену, связанную с терзанием добычи.

Литература: Čugunov, Parzinger, Nagler 2010.

СЕРЬГА С КОНУСОВИДНОЙ ПОДВЕСКОЙ

VII в. до н. э.

Золото; ковка, пайка, зернь

Диаметр кольца 2,5 см; длина подвески 1,2 см

Центральная Азия, Тува, курган Аржан-2

Раскопки К. В. Чугунова в 2002 г.

Инв. № 2917/62

Очень необычно использование в столь удаленном от развитых цивилизаций месте, как Центральная Азия, подобной тонкой ювелирной техники. В любом случае, знакомство с ней демонстрирует не только высочайший уровень мастерства ювелиров, но и, видимо, наличие связей и контактов с культурами, где подобная техника была распространена.

Литература: Čugunov, Parzinger, Nagler 2010.

БЛЯХА В ВИДЕ ФИГУРКИ ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ

Конец VII в. до н.э.
Золото; чеканка, пайка
19,0 × 31,1 см
Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Костромской (Первый Разменный) курган
Раскопки Н. И. Веселовского у станицы Костромская в 1897 г.
Инв. № 2498/1

Бляха в виде фигурки лежащего оленя – одно из наиболее известных произведений скифского искусства, своего рода его древний эталон и современный символ. Характерны удлиненность пропорций и поза оленя – с поджатыми ногами, вытянутой вперед шеей, поднятой головой и стелющимися вдоль спины рогами, отростки которых оформлены в виде S-видных завитков. Сама фи-

гура выполнена очень лаконично, ее поверхность моделирована плоскостями с резкими гранями (характерным признаком следует признать продольное ребро на шее), что является одной из выразительных особенностей раннескифской художественной традиции. Считается, что подобное оформление поверхности металлических изделий может восходить к технике резьбы

по дереву, кости, рогу или камню, широко распространенной в ремесленной традиции всех кочевников, как древних, так и современных. Своеобразный динамизм, присущий изображениям скифских оленей с поджатыми ногами, дал в свое время основание определить позу таких оленей как «летащий галоп», что, разумеется, неверно по существу, но со-

ответствует эмоциональному восприятию образа. На самом деле здесь воспроизведена поза лежащего животного. Именно так изображались в древнем искусстве, и не только в скифском, священные или жертвенные животные. Равным образом дискутируется в современной науке и смысловое содержание подобных изображений. Спектр мнений очень широк, здесь видят

и жертвенное, и терзаемое животное, охотничью добычу или животное в период гона. Изображения лежащих оленей помещали на различные предметы, в том числе и на оружие. Предпочтительной следует считать версию, что подобные предметы украшали скифские налужья или гориты, так как она находит убедительное подтверждение в археологическом материале. Сейчас

стали известны два подобных изображения (оленя и пантеры) именно на горитах, представленных на оригинальных скифских каменных скульптурах VII–VI вв. до н.э.

Литература: ОАК 1897. С. 11–15; Иессен 1949. С. 67–70; Артамонов 1966. Табл. 62–64; Артамонов 1968; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 16; Алексеев 1996. С. 130–134; Кисель 2003. Кат. 14.

БЛЯХА В ВИДЕ ФИГУРКИ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА (ПАНТЕРЫ)

VII в. до н. э.

Золото, гематит, янтарь, стеклянная паста; чеканка, пайка, ковка, выколотка, инкрустация

16,2 × 32,6 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Первый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1903 г.

Инв. № Ку 1903 2/1

Выполненная в высоком рельефе фигура пантеры – известный шедевр раннескифского искусства. Изображение хищника изготовлено в технике выколотки с прочеканенными деталями (пасть, фигурки на хвосте, глаз и т. д.). Кованые каплевидные уши припаяны к голове хищника, одно ухо гладкое, другое помещено в специально сделан-

ное за глазом углубление и украшено вставками, возможно, из янтаря в технике перегородчатой инкрустации. Глаз сделан в виде круглого углубленного гнезда, инкрустированного белой и сероватой пастой. На месте зрачка выпуклая черная вставка из гематита (крававик). Хвост и лапы зверя орнаментированы рельефными фигурками

свернувшихся кольцом кошачьих хищников. На обороте пластины напаяны две полукруглые петли, выкованные из круглого в сечении дрота.

Произведение представляет интерес, прежде всего, сочетанием скифской художественной традиции с элементами ближневосточного искусства. Преобладающее тут скифское начало

сказывается в характерной позе хищника (вынюхивающий добычу зверь), в обобщенной светотеневой моделировке форм тела, а также в зооморфной стилизации деталей – длинный хвост и мощные лапы зверя заполнены фигурками свернувшихся кольцом кошачьих хищников. У пантеры к тому же глаз и ноздря по-скифски условно обо-

значены кружками. Однако в трактовке оскаленной зубастой пасти проявляется натуралистическая тенденция, свойственная переднеазиатской стилистике. Показательна и манера декорировки уха зверя, орнаментированного вставками из красного янтаря в традиционной для древневосточной торевтики технике перегородчатой инкрустации.

Хотя отдельные восточные привнесения несколько нарушают скифский стереотип передачи мотива кошачьего хищника, именно эти незначительные отступления от классического канона придают облику келермесской пантеры индивидуальность и своеобразие.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 22–24; Галанина 1997. Кат. 13; Кисель 2003. Кат. 13.

СЕКИРА ПАРАДНАЯ

VII в. до н.э.

Золото, железо, дерево, смола; чеканка, пайка

Рукоять 72,0 × 3,0 см; длина топора 22,5 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Первый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1903 г.

Инв. № Ку 1903 2/3, 14

Секира является произведением древневосточного мастера и представляет собой своеобразную «энциклопедию» образов животных и фантастических существ, свидетельствующих об освоении ближневосточными ювелирами традиций искусства кочевников, проникших на территорию Передней Азии в результате военных походов в VII в. до н.э.

Весь сложный изобразительный «текст», запечатленный на секире и включающий в себя, помимо образов животных, еще и изображение человека, посвящен, скорее всего, сакральному акту жертвоприношения представленным животным некоему божеству. Таким образом, эта скифская секира является не только произведением ис-

кусства, но и ритуальным предметом, указывающим на выполнение скифом, для которого она была изготовлена, каких-то важных сакральных функций.

Литература: Переводчикова 1979; Черненко 1987; Галанина 1997. Кат. 6; Кисель 1997.

МЕЧ ПАРАДНЫЙ В НОЖНАХ

VII в. до н.э.

Золото, железо; чеканка, металлопластика, пайка

Длина рукояти 14,2 см; длина ножен 46,7 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Первый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1903 г.

Инв. № Ку 1903 2/2

Тип короткого меча (с перекрестьем особой формы) и ножен (с боковой лопастью для подвешивания) являлся характерным для скифов и некоторых других древних иранских народов (мидийцев, персов, саков). Характерные стилистические черты позволяют выделить среди изображений, нанесенных на это парадное оружие, собствен-

но скифскую группу – лежащий олень и головы хищных птиц на лопасти – и ближневосточную, в которой использованы переднеазиатские, прежде всего урартские, художественные традиции и которая в целом доминирует – крылатые гении, львы, фантастические существа, скомпонованные из частей тел людей и разных животных: бы-

ков, львов, хищных птиц, скорпионов. Несомненно, что меч и ножны были изготовлены ближневосточным мастером, но предназначались для скифа.

Литература: Черненко 1980; Галанина 1997. Кат. 1; Кисель 2003. Кат. 1.

СОСУД ИЗ ДВУХ ЧАШ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

VII в. до н. э.

Золото; чеканка, металлопластика

Высота 7,5–8,5 см; диаметр венчика 15,6–16,2 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Первый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1903 г.

Инв. № Ку 1903 2/37

Сосуд состоял из двух чаш, одна из которых вставлялась внутрь другой. Наружная, более массивная, чаша украшена выпуклым орнаментом в виде ромбов, каплевидных фигур и двойных уголков. Внутренняя чаша украшена тремя поясами вдавненных фигур животных, на ее дне 16-лепестковая розетка. На верхнем поясе изображены бегущие страусы, на среднем – козел,

тур, олени и сцены борьбы (лев терзает козла, волк преследует козу), на нижнем представлены лежащие копытные животные – олень, козел, козы. По типологическим, стилистическим и иконографическим признакам сосуд является произведением ближневосточных мастеров, причем внешнюю чашу можно скорее отнести к изделиям урартского ювелира IX–VIII вв. до н. э.,

а внутреннюю – ассирийского VII в. до н. э., который к тому же мог ориентироваться на скифского заказчика, что следует из манеры изображения оленя. Столь необычный по конструкции сосуд возможно использовался скифами для употребления ритуальных горячих напитков.

Литература: Галанина 1997. Кат. 22, 23; Кисель 2003. С. 66–70. Кат. 35, 36.

ДИАДЕМА

VII в. до н. э.

Золото, янтарь; чеканка, тиснение, зернь, инкрустация

66,8 × 3,7 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Первый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1903 г.

Инв. № Ку 1903 2/17

Обращает на себя внимание пышность отделки и разнообразие технических приемов, использованных мастером при изготовлении диадемы, украшенной фигурками хищных птиц, цветками, розетками. Присутствие на диадеме хищных птиц иногда приписывается влиянию скифской изобразительной традиции, хотя подобная

трактовка образа известна и в искусстве других областей Древнего мира. Многие декоративные элементы и использованные технические приемы имеют соответствия на ближневосточных и восточно-греческих изделиях первой трети первого тысячелетия до н. э. При этом отнести диадему к конкретному художественному

направлению в настоящее время представляется затруднительным.

Обладание диадемой в древности указывало на высокий социальный статус владельца. По свидетельству автора раскопок, келермесская диадема была надета на бронзовый боевой шлем.

Литература: Галанина 1997. Кат. 15; Кисель 2003. С. 56–59. Кат. 16.

«УКРАШЕНИЕ ТРОНА»

VIII–VII вв. до н.э.

Золото, янтарь, стеклянная паста, смола (?); басма, литье, чеканка, пайка

19,2 × 5,0 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Третий Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1904 г.

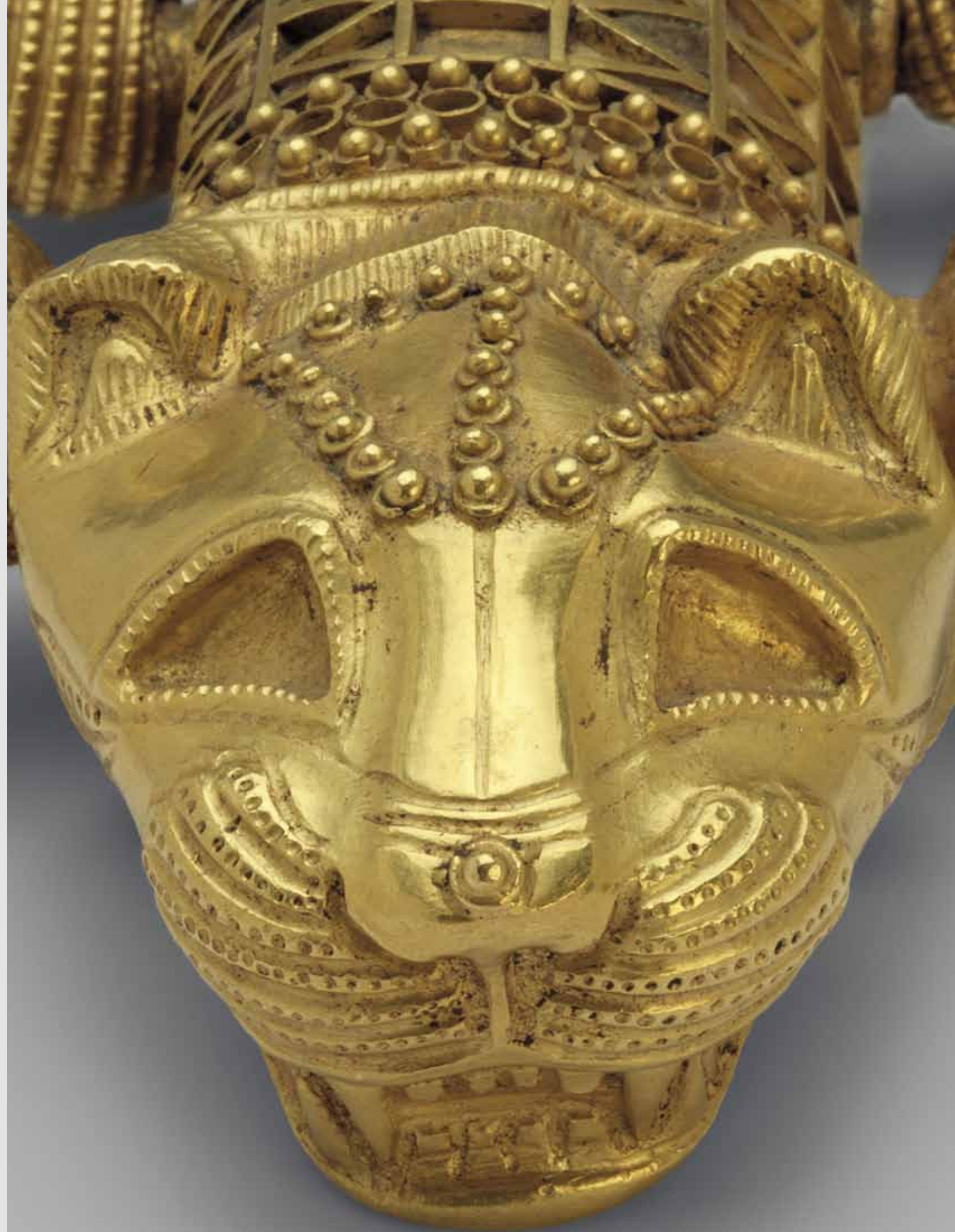
Инв. № Ку 1904 1/11, 12

Это украшение, имеющее пару, по характеру изображений львиных и бараньих голов, плодов растения (то ли граната, то ли опийного мака) можно отнести к изделиям ассирийского мастера. В литературе их часто называют ручками трона, хотя в действительности назначение изделий остается неясным. Высказаны пред-

положения, что они могли служить оформлением основания статуи или быть составной частью предмета, похожего на урартские канделябры. Скифы приспособили эти вещи для собственных нужд, о чем свидетельствуют грубые вырезы на дне.

Литература: Галанина 1997. Кат. 35, 36; Кисель, 2003. С. 63–65. Кат. 30, 31.

ЗАСТЕЖКА ОТ КОЛЧАНА ИЛИ ГОРИТА

VII в. до н. э.

Бронза, золото, янтарь; литье, басма, инкрустация

Длина 8,6 см; диаметр 1,8 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Третий Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1904 г.

Инв. № Ку 1904 1/13

Застежки от горитов или колчанов – довольно распространенная категория предметов среди раннескифских древностей, но данный экземпляр резко выделяется из всей серии таких изделий своей формой, иконографией и стилем изображений бараньих головок, находящихся ближайшие соответствия среди ювелирных и парадных изделий

Ближнего Востока. Именно поэтому наиболее убедительное объяснение ее своеобразия заключается в предположении, что застежка была изготовлена для скифа, но не скифским мастером.

Литература: Галанина 1997. С. 112–114. Кат. 34; Кисель 2003. С. 46. Кат. 8.

ДИАДЕМА С ПРОТОМОЙ ГРИФОНА

VII в. до н.э.

Золото, стеклянная паста, смола (?); басма, тиснение, пайка

64,5 × 1,7 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Третий Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1904 г.

Инв. № Ку 1904 1/1

По элементам декора, и прежде всего по центральному образу грифона, диадему можно отнести к произведениям восточно-греческого мастера, хорошо знакомого при этом с современным ему ближневосточным искусством. В отличие от многих других парадных изделий из древнейших курганов скифской знати, на этой диадеме отсутствуют

не только элементы скифского искусства, но и следы его влияния. Именно поэтому высказано предположение, что диадему изготавливали не по скифскому заказу, а она могла быть захвачена в качестве военной добычи во время переднеазиатских походов скифов.

Литература: Галанина 1997. Кат. 15; Кисель 2003. С. 56–59. Кат. 17.

ПЛАСТИНА – НАКЛАДКА НА ГОРИТ

VII в. до н.э.

Золото; басма, чеканка, металлопластика

40,5 × 22,2 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Четвертый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1904 г.

Инв. № Ку 1904 1/28

Декоративная накладка с мелкими дырочками по краям прибивалась гвоздиками на лицевую поверхность горита (футляр для лука и стрел) или какого-либо другого предмета. В оформлении пластины использованы традиционные скифские мотивы: в центре – оттиснутые по матрице фигуры двадцати четырех лежащих оленей и по краям –

тридцати двух пантер со склоненными вниз головами. В нижнем левом углу заметные следы от ударов чекана и трещина.

Литература: Галанина 1997. Кат. 51.

ЗЕРКАЛО С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ

Вторая половина VII в. до н. э.

Серебро, электр; литье, металлопластика

Диаметр 17,0–17,2 см

Северо-Западный Кавказ, Закубанье, Четвертый Келермесский курган

Раскопки Д. Г. Шульца в 1904 г.

Инв. № Ку 1904 1/27

Уникальное литое серебряное зеркало, оборотная сторона которого облицована электровыми пластинками с изображениями, выполненными в технике металлопластики. В центре диска – следы обломанной в древности ручки, обрамленной в основании розеткой. Главным персонажем выступает крылатая женская фигура с панте-

рами в руках – обычными атрибутами Великой малоазийской богини Кибелы. Окружают богиню антропоморфные существа, борющиеся с фантастическими грифонами, сфинксы, львы, медведь, лиса. В иконографии образов, в способе передачи шерсти и других стилистических приемах отчетливо проступают черты, свойственные гре-

ко-восточному искусству. Между тем, тип самого зеркала и отдельные мотивы (например, стоящая пантера с кольчатыми лапами) имеют явно скифское происхождение. Да и малоазийская Кибела по своей сути во многом напоминала скифскую богиню Аргимпасу, бывшую также божеством плодородия животного и человеческого мира. Хотя

конкретное содержание композиции на зеркале остается не до конца ясным, совершенно очевидно, что чужеземный мастер, декорируя этот предмет, ориентировался на запросы скифского заказчика. Существует версия, что изображения на зеркале представляют систему древнеиранской картины мира и миф о Великой богине и борьбе под-

чиненных ей антропоморфных и зооморфных существ у сакрального центра мира.

Литература: Галанина 1997. Кат. 52; Мачинский 1998. С. 57–60; Кисель 2003. Кат. 46.

ДИАДЕМА

VIII–VII вв. до н.э.

Золото, халцедон (сардоникс); тиснение, плетение, зернь, пайка

Длина 63,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Мельгуновский (Литой) курган

Раскопки А. П. Мельгунова в 1763 г.

Инв. № Дн 1763 1/18

Диадема составлена из трех шнуров, сплетенных из золотой проволоки и украшенных девятью розетками и звездообразными бляшками. На концах диадемы на цепочках закреплены подвески в виде полумесяцев и полных шариков (четыре шарика на одном конце диадемы и пять на другом), украшенных зернью. Первоначально

диадема имела четыре шнура, один из которых был удален. Это могло быть вызвано особым значением цифры «3» в представлениях древних кочевников (не случайным, возможно, является в данном случае и количество розеток и подвесок-шариков – по девять). Диадема могла служить украшением головного убора. Предполагается ее

урартское или сирийское происхождение и последующая переделка скифами. Литература: Придик 1911. С. 14–16. Табл. II, IV; Кисель 2003. С. 5–52, 128.

МЕЧ В ЗОЛОТЫХ НОЖНАХ

VII в. до н.э.

Железо, золото; чеканка, металлопластика, пайка

Длина 60,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Мельгуновский (Литой) курган

Раскопки А. П. Мельгунова в 1763 г.

Инв. № Дн 1763 1/19, 20

Состав находок в Мельгуновском кургане, среди которых выделяются предметы роскоши древневосточного происхождения, свидетельствует о том, что на окраине приднепровских степей в VII в. до н.э. был погребен один из скифских вождей – участников переднеазиатских походов. Парадный железный меч, как и подобный ему меч из Первого Келермесско-

го кургана, орнаментирован в урарто-скифском стиле. Эти древнейшие парадные скифские мечи привлекли к себе внимание многих исследователей. Прежде всего, отмечалось внешнее сходство мельгуновского и келермесского мечей с изображениями мечей у персидских воинов на рельефах из Персеполя и на других памятниках искусства. По-

этому в науке первоначально утвердилось предположение о том, что тип древнейших парадных мечей был привнесен в Скифию из Ахеменидского Ирана. Однако дальнейшие исследования показали, что мельгуновский и келермесский мечи как минимум на столетие старше подобных персидских мечей, известных нам только по изображениям.

Что касается декора парадных скифских мечей и ножен, то он выполнен в эклектической художественной манере, соединяющей древневосточные и скифские формы. Так на выступе ножен помещены лежащий олень и головы хищных птиц, явно принадлежащие скифскому искусству. Остальная орнаментация имеет отчетливо выраженный урарт-

ский характер. Возможно, при царской ставке скифов в Передней Азии находилась ремесленная мастерская, где работали урартские и другие переднеазиатские ювелиры, изготавливавшие вещи по заказам скифской знати.

Литература: Придик 1911; Артамонов 1966. С. 18, 101. Табл. 1–3; Черненко 1980; Кисель 2003. С. 28–30. Кат. 4.

**БЛЯХА В ВИДЕ ФИГУРКИ ОРЛА
С РАСПРОСТЕРТЫМИ КРЫЛЬЯМИ**

VII в. до н. э.
Золото; чеканка
6,0 × 4,7 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Мельгуновский (Литой) курган
Раскопки А. П. Мельгунова в 1763 г.
Инв. № Дн 1763 1/10

Летящая птица – художественный образ характерный для многих древних культур, в том числе и для скифской. В данном случае такие яркие признаки, как большой круглый глаз, проработка клюва, продольное ребро и наличие широких геометрических плоскостей на груди и крыльях свидетельствуют, что орел был создан именно в скифской традиции. В рамках мировоззрен-

ческой концепции скифов хищная птица соотносилась с верхней, небесной зоной Космоса. Семнадцать подобных блях из Мельгуновского кургана могли служить украшением пояса или портупейного ремня.

Литература: Придик 1911; Артамонов 1966. С. 18. Рис. 5.

КОНУС – УКРАШЕНИЕ ГОРИТА

Конец VI – начало V в. до н. э.
Золото; чеканка
Высота 5,8 см; диаметр основания 13,8 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Острая Томаковская могила
Случайная находка крестьянина в насыпи кургана в 1862 г.
Инв. № Дн 1862 1/1

В настоящее время известно около тридцати подобных находок, часть из которых была украшена растительным и зооморфным орнаментами, а также сложными композиционными изображениями батальных и культовых сцен. Встречаются они с конца VI до IV в. до н. э. на обширной территории – от Южного Урала до лесостепного Приднепровья – и подразделяются

по размерам и пропорциям на несколько групп. Назначение этих вещей до сих пор остается загадочным, хотя для находок, подобных томаковской, наиболее вероятным предположением является их использование в качестве украшения горитов. Изображения подобных предметов нанесены на лицевой поверхности горитов, высеченных на некоторых каменных скифских из-

ваяниях. Как правило, такие конусы находят в насыпях скифских курганов совместно с бронзовыми наконечниками стрел, золотыми гривнами и другими драгоценными предметами, что прямо свидетельствует об особом месте, которое они занимали в материальной культуре скифов.

Литература: ДГС. Вып. 2. С. 62–63. Табл. XXVI, 14.

ФИГУРКА КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА

Первая половина V в. до н. э.

Бронза, золото; литье, тиснение

10,7 × 8,6 см

Северное Причерноморье, Крым, Золотой курган

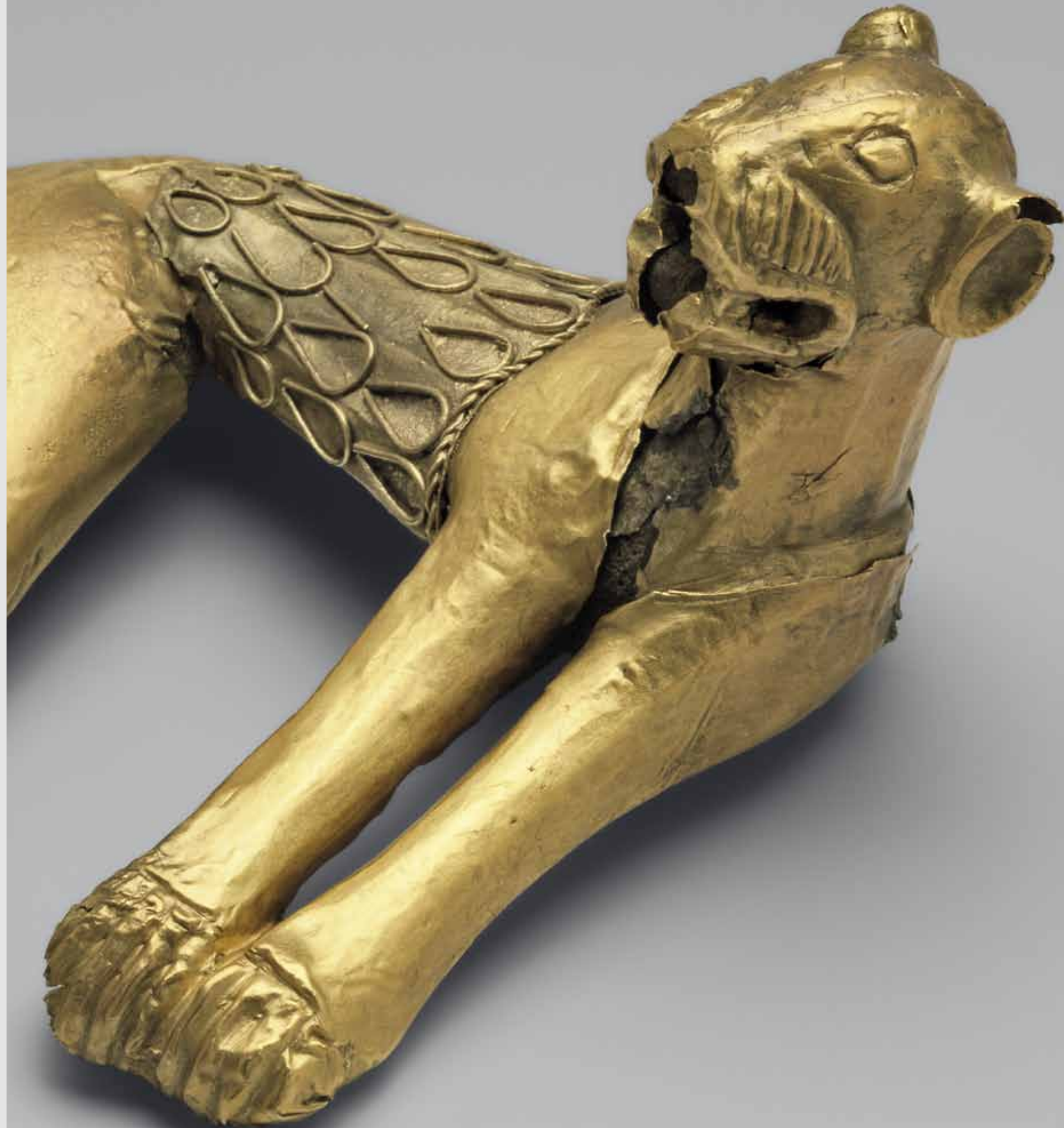
Раскопки Н. И. Веселовского в 1890 г.

Инв. № Кр 1890 1/32

Скульптурная профильная фигурка пантеры или львицы с головой, повернутой фас. С лицевой стороны тело зверя плакировано золотым листом с напаянными филигранными гнездами, в которых изначально могли закрепляться отсутствующие ныне вставки из цветной эмали. В скифском искусстве изображения кошачьих хищников в подобном ракурсе встречаются сравнительно редко и отно-

сятся преимущественно к позднеархаической эпохе – концу VI – началу V в. до н. э. Похожие скульптурки, но выполненные из дерева, были найдены в скифских курганах Горного Алтая. Поэтому не исключено, что этот зооморфный образ появился в Скифии под влиянием искусства восточной части евразийских степей. Впрочем, такая иконографическая схема характерна для кошачьих хищников

и в греческой вазовой живописи, в связи с чем здесь вполне вероятно и античное влияние. В любом случае филигранная композиция выдает руку греческого ювелира, поскольку скифские мастера такой техникой практически не пользовались. На обороте фигуры имеется петля, при помощи которой она могла крепиться, например, к устью горита или колчана. Литература: Артамонов 1966. Табл. 75.

СЕРЬГИ С ГОЛОВКАМИ ГРИФОНОВ

V в. до н. э.

Золото; тиснение, филигрань, пайка

6,3 × 3,3 см

Северное Причерноморье, Крым, курганный группа Дорт-Оба (курганы Пастака), курган № 2
Раскопки Н. И. Веселовского в 1892 г.

Инв. № Кр 1892.2/9

Такой тип серег – в виде калачика – появляется на Ближнем Востоке и в Греции в VII в. до н. э., но в Скифии получает распространение в V–IV вв. до н. э. Редкой для Северного Причерноморья особенностью серег из Дорт-Обы является их украшение головками грифонов, которые по некоторым иконографическим деталям оказываются близкими к архаическому варианту изображений этих фантастических су-

ществ. При этом сами серьги по форме и характеру декора сопоставимы с изделиями более позднего времени. Тем не менее, можно уверенно предположить, что эти украшения были изготовлены раньше времени совершения захоронения в кургане (первая половина IV в. до н. э.) и довольно долго использовались в быту.

Литература: Петренко 1978. С. 30. Табл. 19:10; Мартынов 1997. С. 36–41.

КИЛИК

Вторая половина V в. до н. э.

Серебро; ковка, чеканка, гравировка, позолота

Высота 3,7 см; диаметр 13,0–13,8 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, центральное погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1912 г.

Инв. № Дн 1912 1/55

Килик имеет под венчиком гравированную греческую надпись ΛΥΚΟ (от греч. λύκος – волк), означающую, возможно, имя или прозвище владельца. Вообще надписи на скифских изделиях, в отличие, например от фракийских, чрезвычайно редки. На поврежденной окислами стенке сосуда сохранилось

также нанесенное тонкой резьбой изображение какого-то хищного животного и часть головы с длинными ушами другого. На дне внутри чаши прикреплена круглая золоченая пластина с рельефным изображением колеса, воспроизводящая символ, известный на античных монетах, в том числе мо-

нетах города Ольвии и скифского царя Скила. Ближайшей аналогией сосуду из Солохи является килик из фракийского кургана Башова Могила, который датируется V в. до н. э. и также имеет гравированную греческую надпись с именем владельца.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 7.

УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УЗДЫ

Конец V в. до н.э.
Золото, серебро; басма
Налобник: 38,8 × 8,0 см; нащечники (наушники): 19,5 × 5,1–5,3 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, центральное погребение
Раскопки Н. И. Веселовского в 1912 г.
Инв. № Дн 1912 1/42–44

Налобная пластина выполнена в виде двух рыб с плавниками в форме птиц и украшенных дополнительными изображениями маленьких рыбок. Подобные налобники были характерны для богатых скифских конских уборов. Как правило, они сопровождались парными пластинами, смоделированными в виде ушей оленей, и, возможно, являвши-

мися деталями своеобразных конских масок, подобных известным в скифских курганах Алтая. В специальной литературе их обычно называют крыловидными нащечниками. Присутствие мотива рыбы в данном контексте не удивительно, так как в представлениях скифов он был тесно увязан с образом коня, поскольку в панте-

оне скифов-царских известен бог Тагима-сад, соответствовавший, по Геродоту, греческому богу морей и укротителю коней, изобретателю верховой езды Посейдону, носившему эпитет Гиппий (конный).

Литература: Артамонов 1966. Табл. 146; Манцевич 1987. Кат. 13–15.

ГРЕБЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БАТАЛЬНОЙ СЦЕНЫ

Конец V – начало IV в. до н.э.

Золото; литье, гравировка, пайка

12,6 × 10,2 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/1

Уникальный золотой гребень был найден у правого плеча или возле черепа царя. Гребень имеет девятнадцать зубцов, которые венчает скульптурная группа из трех сражающихся воинов. Батальная композиция покоится на фризе из пяти фигур лежащих львов. Гребень изготовлен из отлитых по восковой модели деталей, отдельные из которых были затем прокованы и спаяны между

собой (определение Р. С. Минасяна). За более чем 80-летнюю историю изучения солохского гребня было предложено несколько версий, истолковывающих смысл его изображений: от почти фантастических до рассматривающих гребень в рамках реконструированного скифского мифа об убийстве первого скифского царя Колаксия его братьями Липоксаем и Арпоксаем. Обычно же

исследователи ограничиваются лишь общим описанием батальной сцены, отмечая ее реалистический, этнографический или эпический характер. Гребень найден в том погребении кургана Солоха, которое датируется началом IV в. до н.э. и может рассматриваться как вероятная гробница скифского царя Октамасада. Это один из главных действующих лиц новеллы Геродота

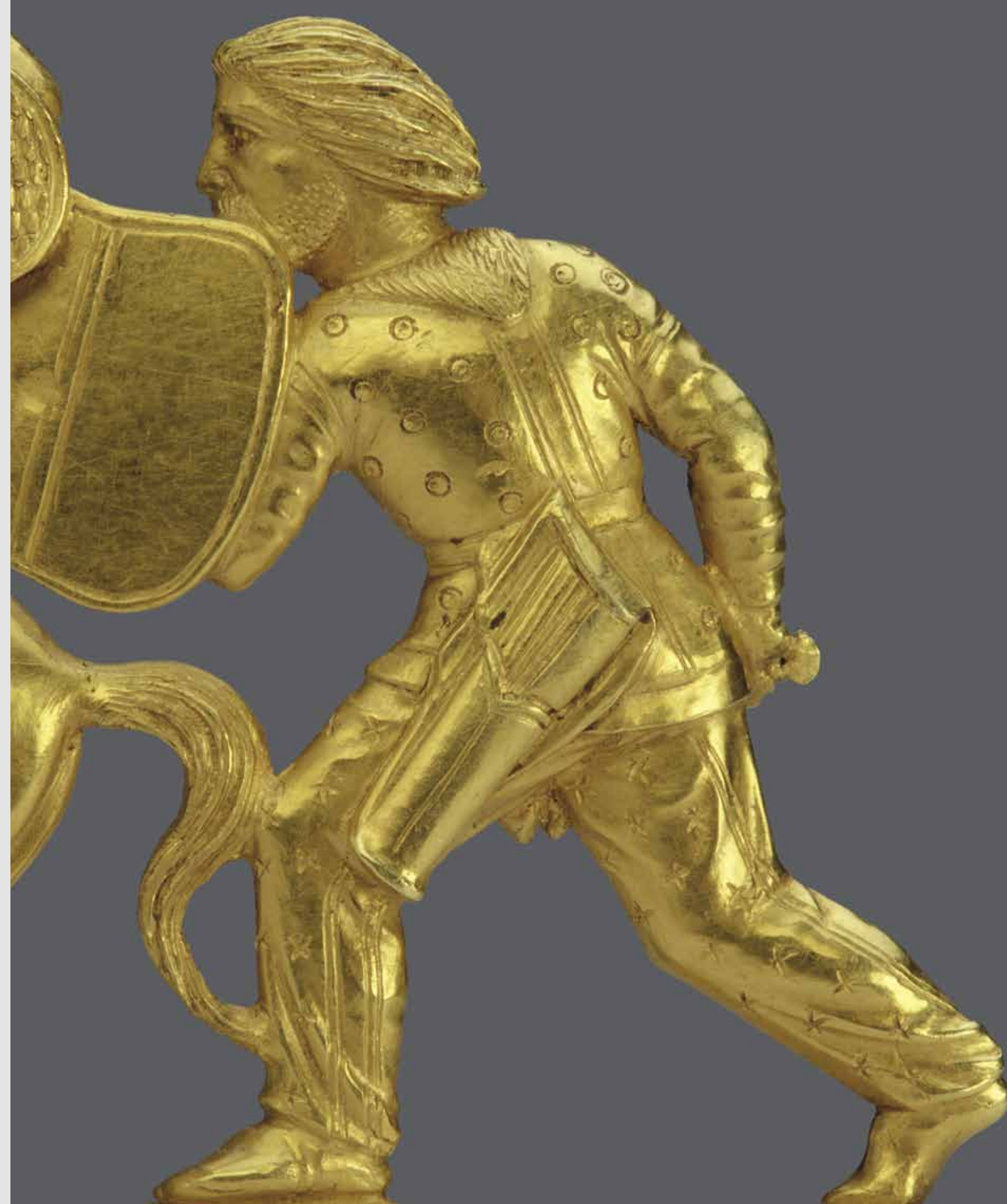
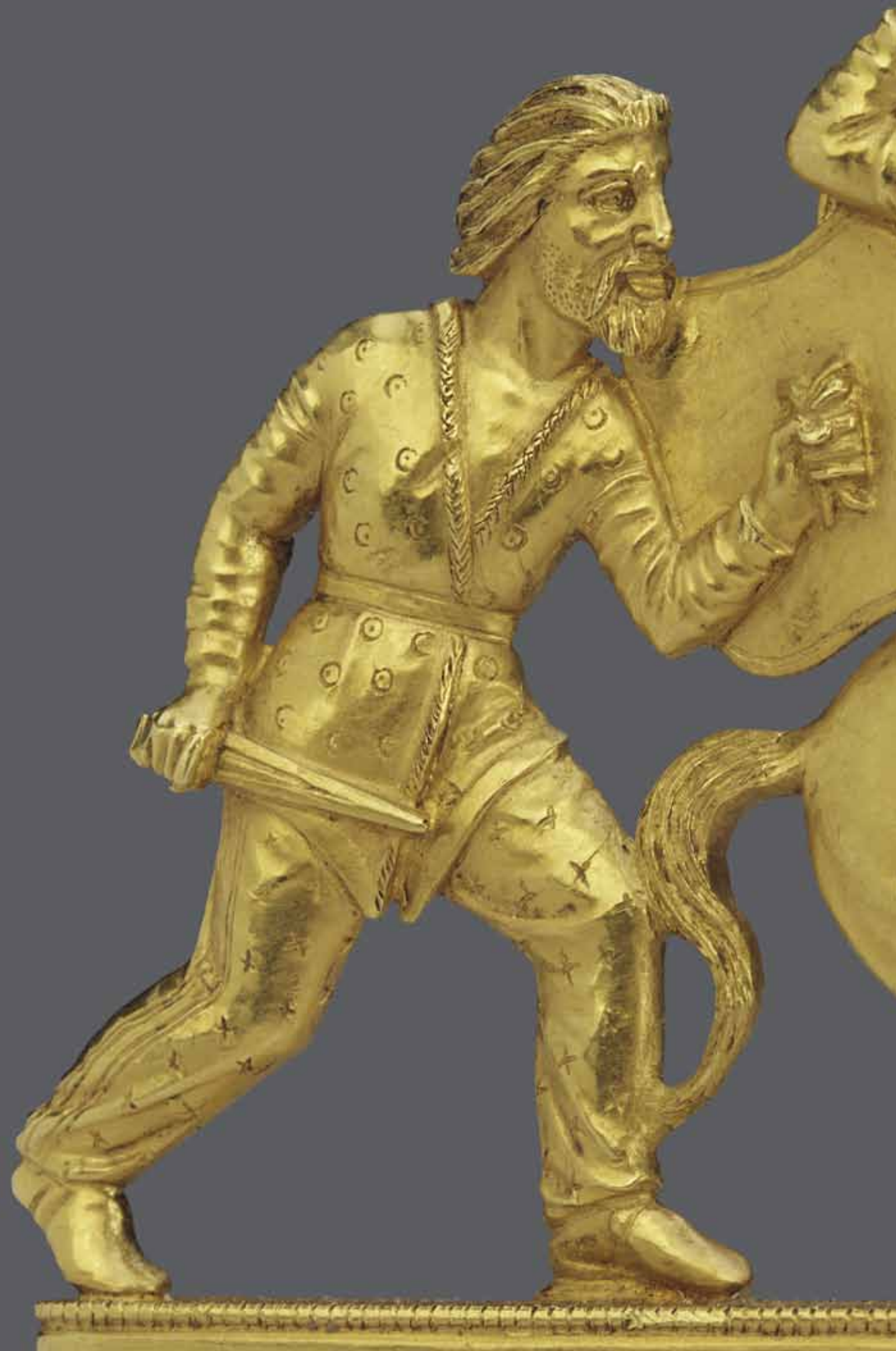
о печальной судьбе царя-эллиофила Скила, бежавшего после дворцового переворота во Фракию, но все же вскоре казненного своим братом Октамасадом (Геродот IV, 78–80). Факт находки гребня в этой гробнице и подсказывает один из вариантов возможной дешифровки как изобразительной версии этого династического конфликта между тремя братьями, сыновьями скифского царя

Ариапифа. На гребне Октамасад, центральная конная фигура, и Орик, пеший воин с плохо выбритыми щеками (на самом деле таким способом мастером была подчеркнута относительная молодость этого персонажа), победоносно сражаются против Скила. Последний еще жив, но уже обречен, так как конь его пал, а это в жанре эпических сказаний предвещает и скорую гибель героя.

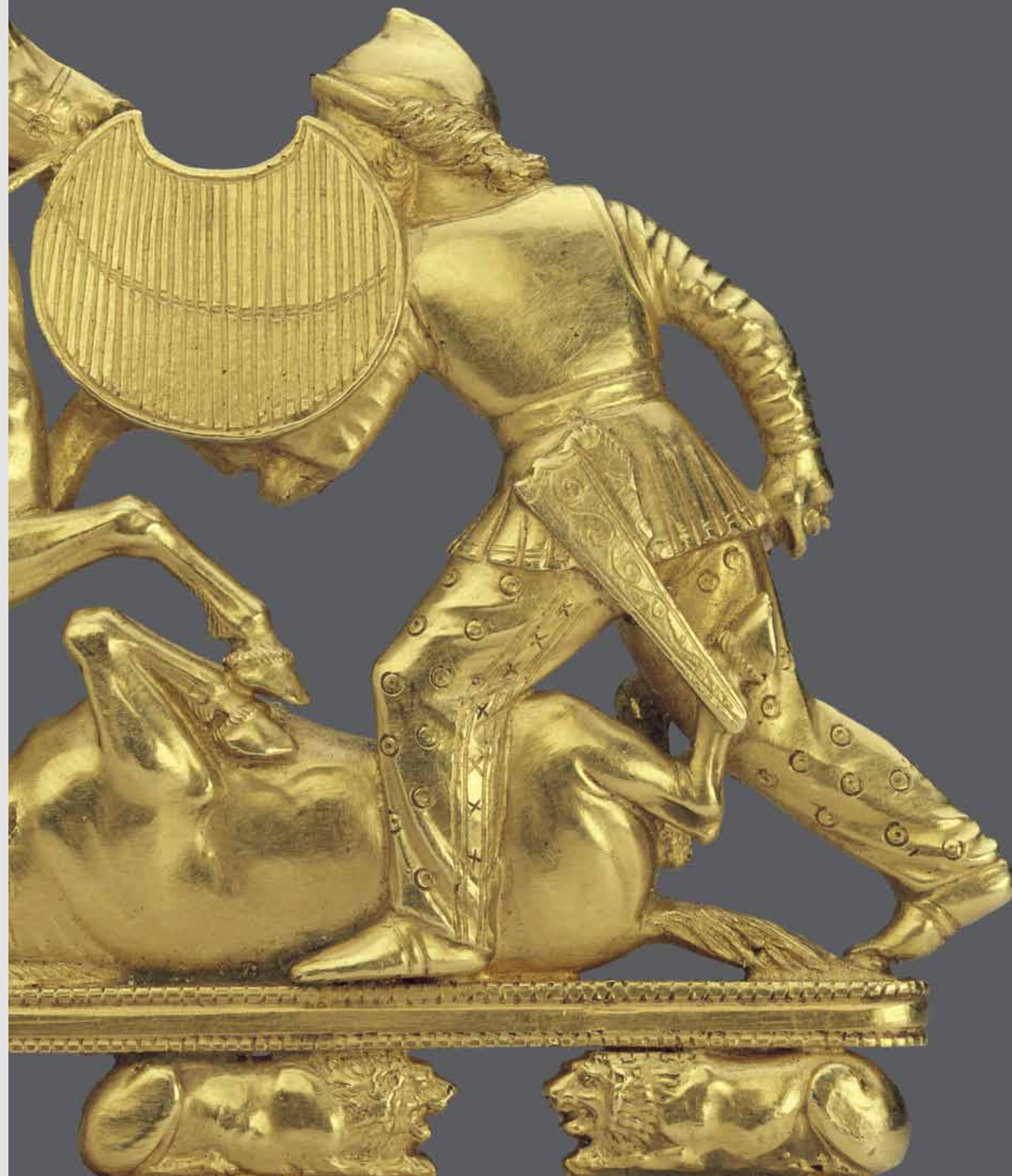
Впрочем, в данном случае нельзя исключать и возможность иных трактовок.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 147, 148; Раевский 1977. С. 117; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 128, 129; Манцевич 1987. Кат. 34.

ФИАЛА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СЦЕН ТЕРЗАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Конец V – начало IV в. до н.э.
 Золото; литье, пайка
 Диаметр 21,3 см
 Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение
 Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.
 Инв. № Дн 1913 1/48

Золотая фиала лежала омфалом вверх на горите слева от царя. Поверхность сосуда заполняет рельеф, изображающий повторяющиеся группы животных, размещенные тремя фризами: лев терзает лань (внутренний фриз), лев и львица терзают жеребенка (средний фриз), два льва нападают на лошадь (внешний фриз). Большой интерес представляют две

полустертые еще в древности греческие надписи на фиале, помещенные на венчике. Они свидетельствуют о том, что у фиалы были по меньшей мере три владельца. Самая ранняя надпись ΔΟΧΟ указывает, видимо, на принадлежность сосуда некоей группе людей, например военному отряду. Вторая надпись, позднейшая, была нанесена чрезвычайно

тщательно и первоначально состояла из двадцати пяти знаков, размещенных равномерно по всей окружности венца. Надпись читалась справа налево и означала дарственное посвящение Гермона Антисфену на празднике Элевтерий. Золотые фиалы, близкие солохской, но отличающиеся от нее характером изображений, известны и в других

варварских памятниках, например в кургане Куль-Оба. Уникальный солохский вариант декора, учитывая мировоззренческую концепцию кочевников, декларированную, в том числе, в сценах терзания и борьбы хищных и травоядных животных, в наибольшей степени должен был отвечать именно скифским вкусам. Вероятно, что в скифском мире сосуда этого

типа имели несколько иные, чем в Греции функции, где ими пользовались как жертвенными чашами.
 Литература: Манцевич 1987. Кат. 55.

ОБИВКИ КРАЯ ДЕРЕВЯННОГО СОСУДА

Начало IV в. до н. э.

Золото; басма или тиснение

8,7–10,2 × 3,3–4,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/26–37

Несохранившийся деревянный сосуд диаметром около 25 см с боковой ручкой, на которой нанесены четыре головы хищных птиц, был украшен шестью накладками с изображениями рыб и одной – с оленем. В памятниках европейской Скифии деревянные сосуды с золотыми аппликациями по краю нередко встречаются в V–IV вв. до н. э. Форма

сосудов может быть разной, на чаще всего это, видимо, полусферические чаши. Наиболее распространенными образами на золотых пластинах при этом являются олени, рыбы и головы хищных птиц. Все эти мотивы представлены и на данном сосуде. В целом они демонстрируют животных, обитавших во всех трех зонах скифского

Космоса (верхняя зона – птицы, средняя зона – олени, нижняя – рыбы), в некоторых случаях составлявших сцены терзания. Как правило, подобные сосуды встречаются в мужских захоронениях, реже – в парных и никогда – в женских.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 68; Рябова 1984.

ОБИВКА КРАЯ И РУЧКА ДЕРЕВЯННОГО СОСУДА

Начало IV в. до н. э.

Золото; тиснение, чеканка

Ручка: 6,8 × 5,0 см; обивка: 17,2 × 7,8 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/272, 275

Край несохранившегося деревянного сосуда был украшен накладкой с изображениями четырех голов хищной птицы, выполненных выпуклым пунктиром, и боковой ручкой в виде скульптурной головы, возможно медведя. Ручки в форме голов или фигур животных – относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V–IV вв. до н.э., но встречаются также и за ее предела-

ми. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение. Во всяком случае, некоторые элементы головы медведя, такие как глаз и ухо с внутренним завитком, соответствуют по форме особенностям искусства алтайских племен скифской эпохи.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 31.

ГРИВНА

Начало IV в. до н. э.

Золото; эмаль, чеканка, резьба, зернь, пайка

26,7 × 30,5 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/7

Гривна особой формы – с витой желобчатой трубкой – соответствует греческому термину στρεπτός – витой, крученный, ожерелье из крученой проволоки. Такие гривны изображались и на некоторых скифских каменных статуях, и у высокопоставленных персов, например у Дария III на мозаике «Битва при Иссе». Тем не менее, судя

по технике изготовления и некоторым орнаментальным мотивам (пальметки, лотосы, ионики, плетенка), гривна была изготовлена греческим ювелиром. Золотые гривны в Скифии являлись престижным украшением и демонстрировали высокий социальный статус владельца, хотя и не были принадлежностью исключительно представителей

царского рода и высшей аристократии. В пасти львов вдеты проволочные стержни, стянутые в так называемый гераклов узел, что является одним из наиболее ранних примеров использования этого мотива, ставшего очень популярным в ювелирном деле позднее – в эллинистическую эпоху. Литература: Манцевич 1987. Кат. 33.

СОСУД С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СЦЕН ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ОХОТЫ СКИФОВ

Начало IV в. до н. э.

Серебро; вытяжка, басма (?), чеканка, гравировка, позолота

Высота 12,1 см; диаметр 18,7 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/40

Сосуд с округлым туловом на низкой подставке с двумя горизонтальными ручками-упорами покрыт золоченым рельефным орнаментом, состоящим из нескольких фризов. По верхнему краю сосуда вьется гирлянда из двух веток плюща, ниже которой расположены две почти симметричные сцены охоты. На одной стороне два молодых всадника в типичной скифской одежде и с обыч-

ным для кочевников вооружением (луки и копья) охотятся на льва в сопровождении собак, на другой – охотники нападают на фантастическое существо – рогатую львицу. Присутствие подобного существа может указывать на мифологический или эпический характер сцены, содержание которой все же остается загадочным, несмотря на существование различных версий:

охота трактуется как один из подвигов местного скифского Геракла, как ритуальная победа над хищником, приносящая помощь Великой богини или как борьба представителей «мира живых» с существами «мира смерти». Обращает на себя внимание то, что героями сцены являются молодые воины.

Сама форма сосуда, отличительным признаком которой являются две го-

ризонтальные ручки-упоры, типична для скифской парадной и культовой посуды. В скифском мире, однако, подобные сосуды чаще изготавливались из дерева и украшались набивными золотыми пластинами с изображениями оленей, рыб, хищников и хищных птиц.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 152; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 157–160; Манцевич 1987. Кат. 61; Королькова 2003.

БРАСЛЕТЫ

Начало IV в. до н. э.

Золото; чеканка

Диаметр 6,5–7,4 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/2–6

Пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами украшали обе руки погребенного царя. Три из них были надеты на правую руку, два – на левую. Такие простые по типу браслеты были широко распространены среди скифских украшений и встречаются как в мужских, так и в женских, и в детских погребениях.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 36.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ФИГУРОК ОЛЕНЯ

Начало IV в. до н. э.

Золото; тиснение

2,5 × 2,5 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/45

Данные нашивные бляшки служили украшением шаровар царя. Образ лежащего оленя являлся одним из самых распространенных и популярных в скифском искусстве, хотя к IV в. до н. э. он претерпел определенные изменения по сравнению с трактовкой архаического времени. Поменялись пропорции фигуры и форма рогов,

ушей, глаз, поднялась голова. Он стал гораздо ближе к трактовке оленя в центральноазиатском искусстве скифской эпохи. Неизменным осталось лишь смысловое содержание этого образа: лежащий олень представлен как жертвенное животное.

Литература: Канторович 1996; Манцевич 1987. Кат. 46.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СКИФОВ, ПЬЮЩИХ ИЗ РОГА

Начало IV в. до н. э.

Золото; тиснение

2,5 × 2,5 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/42

Изображены два коленопреклоненных человека, держащие питьевой рог, помещенный в центре композиции. Сюжет, представленный на бляшке, чаще всего трактуется как сцена заключения клятвенного договора – обычая, описанного для Скифии Геродотом (IV, 70), при этом выпивают смешанное с кровью вино. Но некоторые детали этого обряда

отсутствуют на данных изображениях. У Геродота сосуд, из которого пили смешанное с кровью вино, не рог, а килик, а также перечислены отсутствующие на бляшках предметы вооружения, участвующие в обряде – меч, стрелы, секира и копья. Поэтому возможно, что здесь представлен какой-то иной эпизод бытового или, скорее, культового характера.

Такие бляшки служили для украшения шаровар, нашиваясь, видимо, полосой – лампасом.

Литература: Артамонов 1966. Рис. 78; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 142; Манцевич 1987. Кар. 40.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛЬВА,
ТЕРЗАЮЩЕГО ГОЛОВУ ОЛЕНЯ**

Начало IV в. до н. э.

Золото; тиснение

Высота 3,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/14

Данные бляшки (всего их было найдено семнадцать экземпляров) украшали шаровары-анаксириды погребенного царя. Лев, терзающий голову оленя, трактован реалистично, в манере, характерной для мастера-грека или ювелира, хорошо знакомого с греческим искусством. Подобный сюжет, в отличие от манеры исполнения,

не является совершенно уникальным и встречается на других предметах торевтики из Северного Причерноморья в V–IV вв. до н. э.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 41.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ
ФИГУРОК РОГАТОГО ЛЬВА**

Начало IV в. до н. э.

Золото; тиснение

Высота 2,2 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/15

Такие прорезные бляшки (всего их было найдено девятнадцать экземпляров) украшали шаровары-анаксириды погребенного царя. Представлено изображение рогатого льва, идущего вправо. Его изогнутый хвост заканчивается головой хищной птицы. Рог с расширенным концом напоминает стрелу или лист плюща. Близкие по стилю изображения львов

известны и на других скифских предметах, найденных как в кургане Солоха, так и в других курганах того же времени. Считается, что рога могли усиливать мощь и без того очень опасного, почти непобедимого хищника.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 45.

МЕЧ И НОЖНЫ

Начало IV в. до н. э.

Золото, железо, дерево; басма, резьба

Меч: длина 70,0 см; рукоять: длина 13,0 см; ножны: 59,0 × 12,8 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Солоха, боковое погребение

Раскопки Н. И. Веселовского в 1913 г.

Инв. № Дн 1913 1/8, 9

Если форма рукояти меча вполне обычна для скифского парадного оружия, то ножны, имеющие не один, как обычно, выступ для подвешивания, а два, совершенно уникальны для Скифии V–IV вв. до н. э.

Поверхность накладки разделена полосами плетенки на три части, каждая из которых украшена изображениями

львов и барса, терзающих и преследующих оленей и грифона. На выступах лев и барс терзают какое-то животное, возможно собаку, и руку человека. На конце ножен в круглом выступе изображена морда льва фас.

Литература: Манцевич 1987. Кат. 48, 49.

УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ СБРУИ

IV в. до н.э.
Золото, бронза; басма
Налобник: 41,4 × 12,6 см; нащечники: длина 17,8–18,2 см; фалары: диаметр 4,8–4,9 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Большая Цимбалка
Раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.
Инв. № Дн 1868 1/8–10, 13, 14

На золотой накладке конского налобника запечатлен скифский мифический персонаж – змееногая богиня (полудева-полузмея), от союза которой с Гераклом, следуя одному из легендарных преданий, распространенных среди греков в Северном Причерноморье, произошли скифы. Змееногая богиня также олицетворяла собой единство скифского мира.

Конские нащечники (которые, скорее, размещались на ремнях возле ушей коня) смоделированы в форме уха копытного животного, стилизованного в виде тела дельфина. Включение в декор скифских конских уборов мотивов существ, живущих в воде, довольно частое явление. Не случайно в «царском» пантеоне у скифов одним из главных

божеств был Тагимасад, функции которого соответствовали функциям греческого бога морей и покровителя лошадей Посейдона. Ремни конского оголовья украшали также круглые бляхи-фалары, выполненные из бронзы и покрытые с лицевой стороны золотой пластиной с изображениями Медузы-Горгоны. Подобные

образы обычно выполняли защитную функцию, охраняя их носителя от различных несчастий. В скифском мире Медуза-Горгона могла также ассоциироваться с представлениями о змееногой прародительнице, которая представлена на налобнике.
Литература: Артамонов 1961; Артамонов 1966. Табл. 186; Раевский 1977. С. 44–53, 174.

ПЛАСТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СРАЖЕНИЯ ДВУХ ВОИНОВ

IV в. до н.э.
Золото; металлопластика
14,0 × 19,0 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Геремесов курган
Раскопки И. Е. Забелина в 1859 г.
Инв. № Дн 1859 1/2

Пластина из Геремесова кургана является прекрасной иллюстрацией особенностей местной северопричерноморской, собственно скифской, изобразительной манеры исполнения рисунка на золоте, выполненного в технике металлопластики. Оба воина одеты в чешуйчатые панцири, появившиеся в Скифии еще в раннескифское время. На доспехе пешего воина имеется дополнительная де-

таль треугольной формы, возможно металлический нагрудник. На головах сражающихся – греческие шлемы с наносниками, большими нащечниками, назатыльниками и наверхиями в виде штырей или волосяных гребней. К поясам слева подвешены гориты. На ногах всадника, скорее всего, находятся бронзовые поножи греческого типа – кнемиды. Возможно, кнемидами защищен и пеший воин.

Некоторые интересные детали имеются и в снаряжении верхового коня. Повод лошади брошен на шею, грива подстрижена, но оставлен клоч, как это бывает на изображениях передне- и центральноазиатских верховых лошадей. На спине лошади – овальный орнаментированный, возможно, чепрак. В руках всадника копье, которым он поражает своего противника. Чем, помимо горита, вооружен пехотинец –

неясно. Что касается особенности посадки конного воина, то этот вопрос также окончательно не прояснен. С одной стороны, тип панциря как будто бы позволял всаднику сидеть на лошади «по-мужски». С другой стороны, художник все-таки изобразил ноги перекинутыми на одну сторону, что было характерно, например, для посадки тяжеловооруженных воинов в позднеевремя.

О значении и смысле сцены также можно строить лишь догадки, хотя, скорее всего, она не носит характер простой бытовой зарисовки. В этой связи Д. С. Раевский высказал гипотезу о том, что здесь представлен эпизод скифского мифа о двух братьях – прародителях скифов (на основе версии Диодора Сицилийского о начальной истории скифов, в которой упоминаются два брата Пал и Нап).

Некоторые архаические черты деталей воинского снаряжения позволяют предположить, что пластина могла быть изготовлена несколько ранее большинства остальных вещей этого комплекса.

Литература: Горелик 1971. С. 236–245; Раевский 1977. С. 117, 118.

ПЛАСТИНА В ВИДЕ ФИГУРКИ ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ

V в. до н.э.

Золото; чеканка

Длина 31,5 см

Северное Причерноморье, Крым, Керченский полуостров, курган Куль-Оба

Грабительская находка в 1830 г.

Инв. № КО. 120

Лежащий олень в целом соответствует канонам раннескифского звериного стиля, хотя в трактовке этого образа уже заметны черты, появление которых связано со становлением нового этапа в истории причерноморской Скифии и с усилившимся влиянием греческого искусства. Стиль древнего оригинала не использован, фигура оленя получи-

лась сухой и безжизненной. Воспроизвести характерные для скифского искусства дополнительные изображения мастеру не удалось, что проявилось в чисто механическом наложении на тело оленя фигур собаки, льва, грифона и зайца, представленных в данном случае хищными животными. Таким необычным для скифского ис-

кусства образом мастер выразил его основной сюжет – благое терзание. В нижней части шеи оленя – три греческие буквы ПАΙ.

Литература: ДБК; Артамонов 1966. Табл. 264, 265; Королькова (Чежина), Алексеев 1994.

ЗЕРКАЛО С РУЧКОЙ

Диск: середина V в. до н. э.; обкладка ручки: IV в. до н. э.
Золото, серебро, бронза; ковка, чеканка, басма
Длина 31,5 см; диаметр диска 15,5 см
Северное Причерноморье, Крым, Керченский полуостров, курган Куль-Оба
Раскопки П. Дюбрюкса в 1830 г.
Инв. № КО. 9

Зеркало в форме плоского диска украшено у основания ручки пальметтами и волутами. Ручка зеркала, обтянутая золотым листом, крепилась к диску золотыми заклепками. Плоская ручка зеркала имеет овальное завершение. Золотая обкладка ручки декорирована выбивными рельефными изображениями трех, показанных схематично

зверей, один из которых – грифон. Еще одно животное помещено в овал. Форма и декор ручки, выполненной в скифском зверином стиле, свидетельствуют о вторичности этой детали изделия, что подтверждается расположением отверстий для ее крепления к зеркалу непосредственно на орнаменте диска, частично закрытого золотой обкладкой.

Диск зеркала, вероятнее всего, был изготовлен в Аттике на сто лет раньше рукояти, выполненной в одной из мастерских Боспора. Характерно, что ручка зеркала очень близка по форме и декору рукоятям некоторых скифских парадных мечей. Это явление вообще оказывается характерным и для предскифского,

и для скифского времени, так как известно несколько типов зеркал, рукояти которых повторяют форму рукоятей мечей. Вероятно, это связано с тем, что зеркало в Древнем мире тоже могло считаться оружием, но не обычным, а магическим.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 213; Билимович 1973. № 35.

МЕЧ И НОЖНЫ

IV в. до н.э.

Золото, железо; басма (?), чеканка

Рукоять: длина 11,5 см; ножны: длина 68,5 см

Северное Причерноморье, Крым, Керченский полуостров, курган Куль-Оба

Раскопки П. Дюбрюкса в 1830 г.

Инв. № КО. 32, 33

Оружие находилось в специальном отделении саркофага рядом с погребенным царем. Накладка на ножны украшена изображениями реальных и фантастических животных: на боковой лопасти представлен морской конь – гиппокамп, на пластине – грифон и лев, терзающие оленя, а также леопард, настигший какое-то копытное

животное. На конце ножен – маска льва и греческая надпись ПОРНАХО, означающая, видимо, имя мастера, изготовившего ножны.

Литература: ДБК; Артамонов 1966. Табл. 208, 209.

ГРИВНА

IV в. до н.э.

Золото; чеканка, гравировка, пайка, инкрустация

Длина 31,5 см

Северное Причерноморье, Крым, Керченский полуостров, курган Куль-Оба

Раскопки П. Дюбрюкса в 1830 г.

Инв. № КО. 17

Гривна в ряду скифских шейных украшений выглядит необычной благодаря скульптурным наконечникам, выполненным в виде всадников. Подробно проработаны лица, детали одежды и конского снаряжения. Очевидно, что греческий ювелир, изготовивший гривну, ориентировался на будущего владельца, которым стал один из скифских владык.

Литература: Артамонов 1966. С. 62. Рис. 201, 202.

СОСУД С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СКИФОВ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; вытяжка, басма (?), гравировка, пайка, чеканка

Высота 13,0 см

Северное Причерноморье, Крым, Керченский полуостров, курган Куль-Оба

Раскопки П. Дюбрюкса в 1830 г.

Инв. № КО. 11

Круглодонный сосуд с вертикальным венчиком на припаянной к нему позднее кольцевой подставке, частично закрывшей чеканный орнамент из лепестков. Кроме сорока восьми лепестков нижнюю часть сосуда украшает выполненная также чеканкой плетенка, дно – восьмилучевая розетка. На дне сосуда процарапано граффити ΔΔΔΠ (35), возможно, означавшее вес сосуда.

Предмет явно культового назначения, как и подобные ему по форме глиняные и металлические сосуды, известные по находкам в скифских погребениях и по изображениям на других памятниках, был найден в женском захоронении, что дает основание предположить исполнение женой правителя каких-то религиозных обрядов.

Рельефный фриз на тулове сосуда сделан выколоткой изнутри. С лицевой

стороны детали доработаны чеканкой и гравировкой. Фриз состоит из трех групп по две фигуры и одной отдельной фигуры скифа, натягивающего тетиву на лук. Поражает достоверность воспроизведения греческим мастером внешнего облика скифов с их характерными прическами, одеждой, богато украшенной бляшками, вооружением. Большинство исследователей трактуют эти сцены как эпизоды скифских мифов

или героического эпоса. Так, Д.С. Раевский видит в них иллюстрацию к рассказанной греческим историком Геродотом легенде о происхождении скифов (IV, 9–10). Согласно этой легенде, власть над Скифией получил младший сын Геракла по имени Скиф, сумевший натянуть тетиву на отцовский лук. Старшие и менее удачливые братья Скифа изображены, по мнению исследователя, в двух сценах врачевания, в одной – зуба, в другой – ноги.

Концепция божественного происхождения царской власти и сюжеты определения достойного претендента на престол были актуальны не только в скифской мифологии. Они почти универсальны, хотя возможно существование их различных изобразительных версий.

Литература: ДБК. Табл. XXXIII; Артамонов 1966. Табл. 226, 229, 232, 233; Раевский 1977; Kalashnik 1997. N 74.

АМФОРА

IV в. до н.э.

Серебро; литье, чеканка, выколотка, пайка, позолота

Высота 70,0 см; диаметр 40,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/166

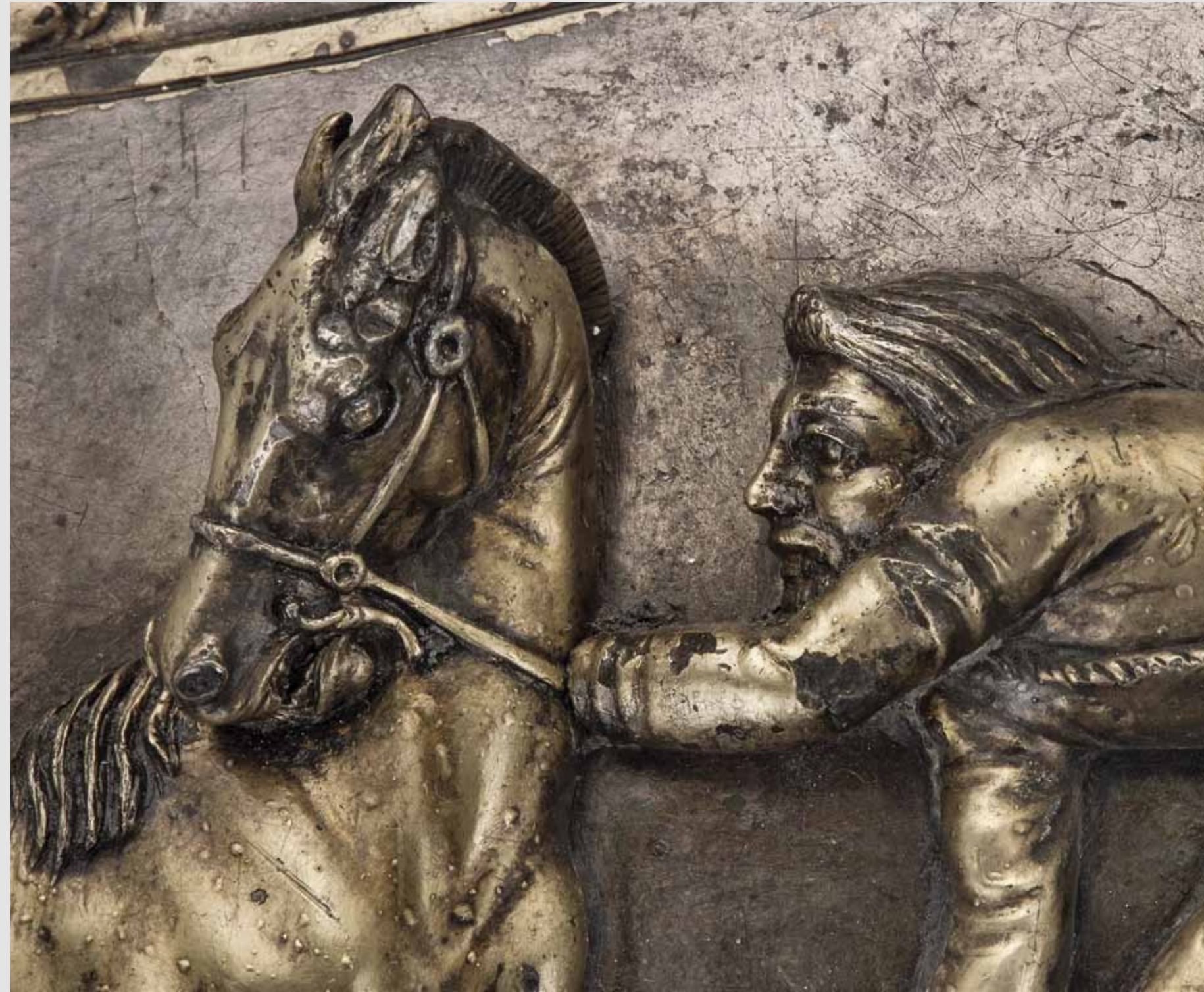
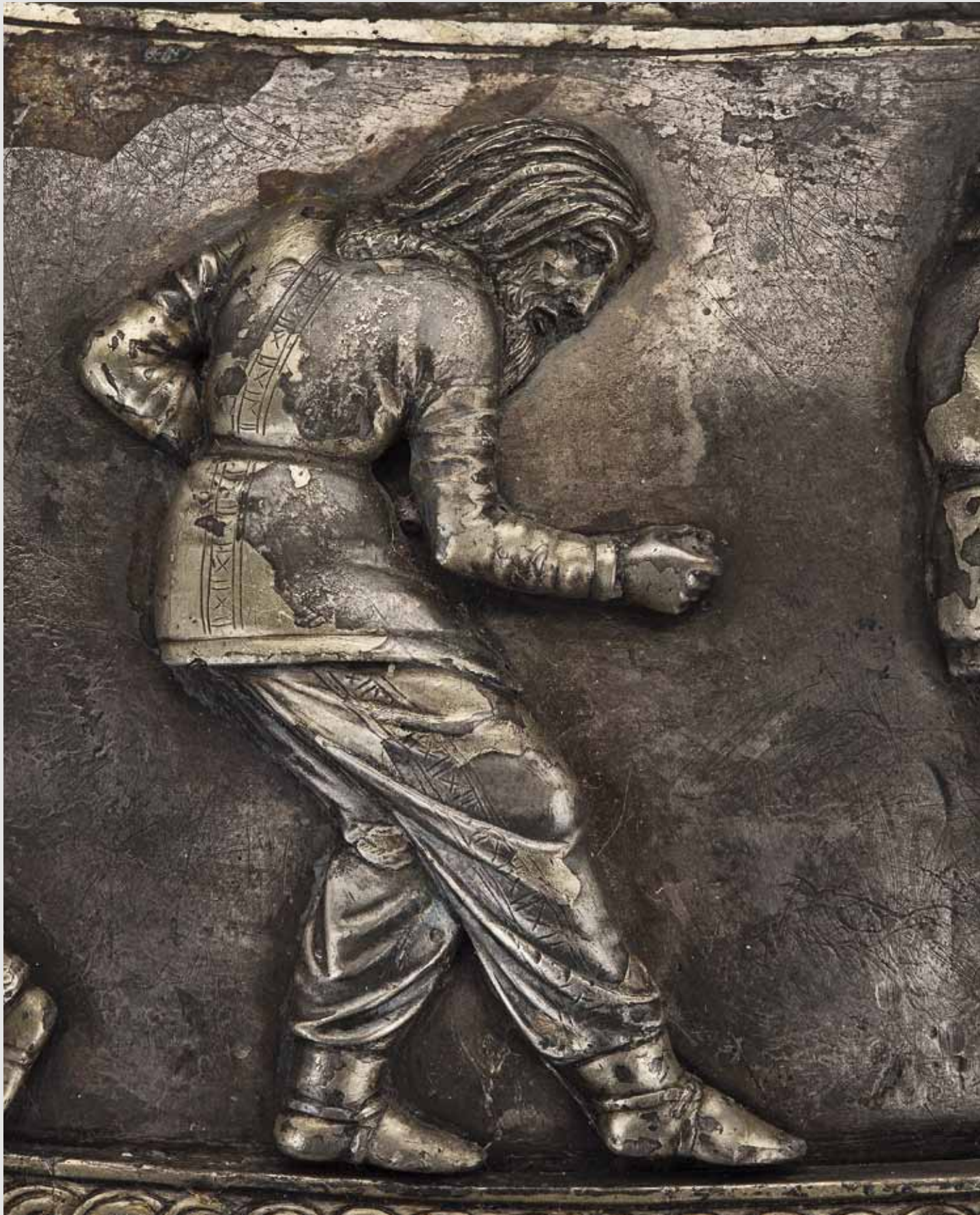
Форма серебряной амфоры соответствует одному из типов глиняных тарных греческих амфор, но при этом и ее форма, и материал, и богатый декор из трех вертикальных фризозов составляют сложнейший по своей смысловой нагрузке изобразительный «текст». В него включены сцены терзания животных, жертвоприношения лошади,

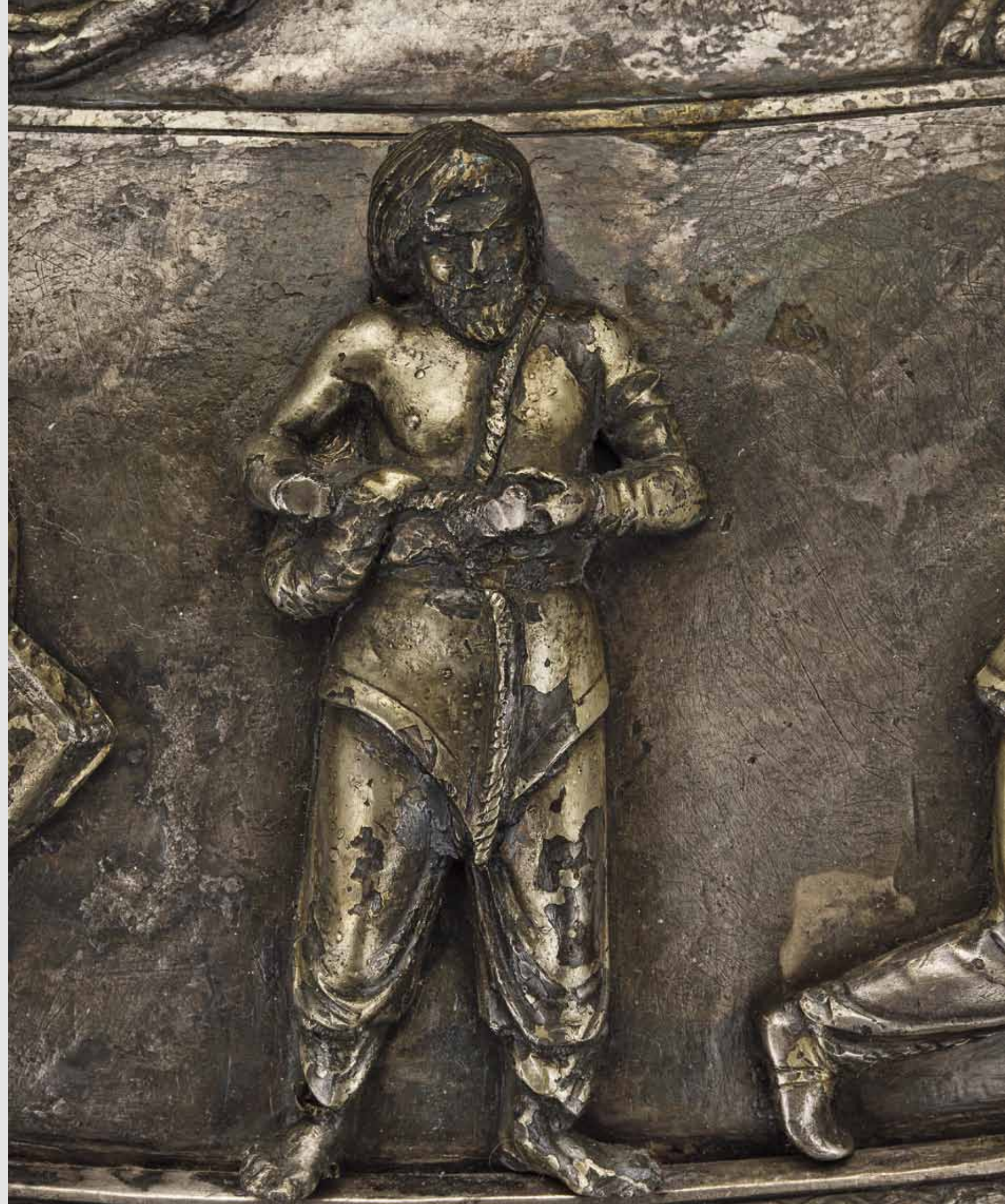
изображения мирового дерева с сидящими на ветвях птицами и скифского божества Тагимасада в виде протомы крылатого коня. Сама форма сосуда определенно указывает на воплощенные представления о мировом яйце, и амфора в целом воспринималась как сложная, но в то же время лаконичная модель скифского Космоса, существо-

вавшего в особом мифологическом пространстве и времени.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 162–176; Кузьмина 1976. С. 68–75; Мачинский 1978. С. 232–240; Симоненко 1987. С. 140–144; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 375–377. Кат. 91.

ПЕРСТЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ УТОЧКИ

IV в. до н.э.
Золото; литье, резьба
Диаметр 2,0 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган
Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.
Инв. № Дн 1863 1/182

Перстень с взлетающей уткой был надет на мизинец правой руки царицы. Очень часто именно так скифские женщины носили особый по форме и значению перстень. Утка, как существо, способное находиться во всех трех зонах мира – в небе, на земле и под водой, рассматривалась скифами как символ верховной власти.

Литература: Неверов 1978; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 111. Кат. 97.

ПЕРСТЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЫКА

IV в. до н.э.
Золото; литье, резьба
Диаметр 2,3–2,5 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган
Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.
Инв. № Дн 1863 1/384

Перстень по округло-овальной форме щитка относится к концу классической эпохи – началу эллинистической. На щитке – резное изображение стоящего у растения быка, выполненное в греческих художественных традициях. По конструкции заходящих друг за друга концов дужек, создающей эффект безразмерности, перстень характерен для скифских укра-

шений, а по сюжету изображения он относится к группе так называемых понтийских.

Литература: Неверов 1978; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 111. Кат. 163.

ПЕРСТЕНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОБАКИ

IV в. до н.э.

Золото; литье, резьба

Диаметр 2,3 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/385

На щитке – резное изображение собаки в ошейнике, грызущей кость. Подобные композиции с собакой известны в греческом искусстве второй половины V в. до н.э., а по стилю изображения и моделировке тела животного перстень относится к концу IV в. до н.э.

Найден был на месте разрушенного захоронения скифского царя.

Литература: Неверов 1978; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 111. Кат. 164.

ПОДВЕСКИ ВИСОЧНЫЕ

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; волочение, тиснение, пайка

Диаметр кольца 3,5–3,8 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/188, 189

«Звнящие» височные подвески входили в состав уникального убора царицы и крепились к золотой пластине налобной ленты. Цепочки и зерновидные подвески были характерны для скифских украшений, которые имели разные формы и конструкции и широко использовались скифскими женщинами.

Литература: Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 111. Кат. 103.

НАКЛАДКА НА ГОРИТ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СЦЕН ИЗ ЖИЗНИ АХИЛЛА

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; басма, гравировка

27,3 × 46,8 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/435

Золотая накладка на парадный горит была найдена в одной из ниш основной погребальной камеры Чертомлыкского кургана вместе с мечом и ножами. Она состоит из двух деталей – облочков лицевой и донной частей, выполненных из тонкого листа золота и прибавившихся к гориту маленькими золотыми гвоздиками. Известны еще три идентичные накладки, оттиснутые с той же матрицы и лишь незначительно отличающиеся

дополнительным декором изображений. Все они происходят из скифских курганов второй половины IV в. до н.э. Лицевая накладка украшена несколькими декоративными фризами, на части из которых изображены растительные мотивы и сцены борьбы животных. Наибольший интерес представляют два центральных широких фриза, заполненные сценами с участием людей и связанные одной сюжетной линией. Считается,

что это история жизни Ахилла, центральным событием которой явилось его обнаружение Одиссеем и Диомедом, когда он, переодетый в женскую одежду, был спрятан богиней Фетидой на острове Скирос среди дочерей царя Ликомеда. Согласно этому самому распространенному толкованию, прочтение всей истории следует начинать с левой от зрителя сцены верхнего фриза: обучение мальчика Ахилла стрельбе из лука; опознание

Одиссеем Ахилла среди дочерей Ликомеда; прощание Ахилла с царем Ликомедом. Нижний фриз: царица, жена Ликомеда и мать Деидамии, с другими дочерьми в момент прощания с Ахиллом; Ахилл под стенами Трои. Для последнего эпизода существуют несколько вариантов трактовки, по одному из которых здесь изображены Одиссей и Диомед, а в кресле сидит Агамемнон; по другому, и этот вариант является предпочтительным,

здесь представлен Ахилл, к которому прибыл царь троянцев Приам, принесший выкуп за тело своего сына Гектора; последняя сцена – мать Ахилла богиня Фетида уносит урну с прахом сына после его гибели от стрелы Париса-Александра. Все подобные накладки были изготовлены греческим мастером в одной из ювелирных мастерских Боспорского царства. Можно предположить, что создание и распространение таких па-

радных и престижных изделий в качестве дипломатических подарков вождям и царям разных племен и народов были обусловлены внешнеполитической акцией боспорского правителя Перисада I, предпринятой приблизительно в 330–320-е гг. до н.э.

Литература: Раевский 1980. С. 105–107; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. Кат. 189; Stähler, Nieswandt 1991–1992; Treister 1999. P. 71–81; Алексеев 2003 а. С. 240–248.

РУКОЯТЬ ИРАНСКОГО МЕЧА

V в. до н. э.
Железо, золото; литье, чеканка, пайка
Ручка: 14,9 × 2,8 см; ширина перекрестия: 5,5 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган
Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.
Инв. № Дн 1863 1/448

Меч с золотой рукоятью был обнаружен в одной из ниш основного погребального сооружения. В настоящее время не может быть сомнений в древнеиранском характере орнаментальных мотивов, композиций, стилистических особенностей его изображений. По форме рукояти и многочисленным аналогиям в ахеменидском изобразительном ис-

кусстве (Сузы, Персеполь, Амударьинский клад) можно предположить, что она была изготовлена в V в. до н. э. Отдельные мотивы, связывающие рукоять меча с искусством мидийской эпохи, такой датировке не противоречат. В Скифии в IV в. до н. э. был изготовлен новый железный клинок для ножен с изображениями батальных сцен.

Судьба этой находки, вероятно, была весьма необычной. Возможно, меч неоднократно переходил из рук в руки, пока в конце концов не попал в могилу скифского царя. Скорее всего, это произошло после завоевания Александром Македонским Персидской империи Ахеменидов, а сам меч мог входить в состав посольских даров скифскому царю.

Об обмене посольствами между европейскими скифами и македонянами в 329–328 гг. до н. э. сообщает Арриан – историк похода Александра Великого.

Литература: Артамонов 1966. Табл. 183, 184; Луконин 1977. С. 85; Алексеев 1984. С. 38–41; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 220; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 99–102. Кат. 192.

НАКЛАДКА НА НОЖНЫ МЕЧА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ БАТАЛЬНЫХ СЦЕН

Третья четверть IV в. до н.э.
Золото; басма, гравировка
54,4 × 16,5 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган
Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.
Инв. № Дн 1863 1/447

На накладке представлены пять сцен сражения греков и варваров, в которых принимают участие одиннадцать персонажей: единоборство грека и варвара, защита раненого воина, всадник на раненой лошади, врачевание в бою, мертвый всадник. Иконография воинов-варваров включает детали, присущие греческой изобразительной традиции как амазонкам, так и персам, в связи

с чем исследователи обычно усматривают в этих сценах эпизоды Троянской войны, греко-персидских войн или истории похода Александра Македонского на Восток. В частности, последнее предположение подтверждается особенностями воспроизведения некоторых деталей воинского снаряжения: характером кнемидов на ногах крайнего справа го-плита или длиной копья у всадника-вар-

вара на падающей лошади. Существует вполне вероятная версия, что на ножнах изображен сам Александр Македонский (воин с диадемой на голове). Такой трактовке не противоречит и гипотеза о возможном воспроизведении здесь сюжетов из эпического цикла о Троянской войне, ставших вновь чрезвычайно популярными во время и сразу после греко-македонского похо-

да на Восток, в частности изображение на них Ахилла, с которым современники нередко сравнивали Александра Великого. Известны еще две накладки с аналогичными изображениями, одна из которых совершенно идентична чертомлыкской (найдена в кургане на Нижнем Дону), а другая отличается лишь изображением на боковой лопасти (хранится

в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и скорее всего происходит из одного из крымских курганов). Литература: Артамонов 1966. Табл. 183, 185; Раевский 1980. С. 49–71; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 221, 222; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 103–105. Кат. 191; Shcegllov, Katz 1991; Уильямс, Огден 1995. Кат. 112; Stähler 1997; Нефедкин 1998; Русяева 1998; Pirson 2003.

ОСЕЛОК С КОЛПАЧКОМ

Третья четверть IV в. до н.э.

Камень (глинистый сланец), золото; басма (?)

Длина 18,4 см

Северное Причерноморье, Приднестровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/446

Подобные изделия, увенчанные золотыми колпачками, обычно имеющие сигарообразную форму и встречающиеся в скифских погребениях чаще всего вместе с предметами вооружения, традиционно называются оселками (точильными камнями), но фактически к таковым не относятся. Некоторые исследователи сопоставляют их с пробирными кам-

нями (так называемый в древности лидийский камень), которыми могли пользоваться представители скифской знати. Но скифские оселки изготавливались из камней разных пород. Другие исследователи, отмечая у большинства оселков отсутствие следов использования, предполагают, что они служили амулетами, смысл и назначение которых

уверенно установить не удастся. Эта гипотеза подтверждается и данными осетинского нартского эпоса, в котором великаны натирали оселками раны, заживляя их таким способом.

Литература: Грязнов 1981. С. 142; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 107, 108. Кат. 194; аналогия из кургана Куль-Оба см.: Williams, Ogden 1994. Cat. 84.

ГРИВНА С ФИГУРКАМИ ЛЬВОВ НА КОНЦАХ

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; литье

Диаметр 13,3–14,8 см

Северное Причерноморье, Приднестровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/187

Шейное украшение – гривна – представляет собой литой круглый в сечении стержень, свернутый в полтора оборота. Концы его расширены, уплощены и смоделированы в виде фигурок лежащих львов. Гривна была найдена на шее одного из воинов в юго-западной камере центрального погребально-го сооружения.

Погребенный в этой камере, видимо, от- носился к профессиональным воинам, занимавшим приближенное положение к чертомлыкским правителям. Помимо гривны на его правую руку был надет серебряный браслет, на безымянный палец – золотой перстень. Из оружия у него был боевой пояс, меч, нож и лук со стрелами. Левая рука у этого воина

по локоть отсутствовала, что косвен- но подтверждает его принадлежность к воинскому сословию.

Литература: Петренко 1978; Алексеев, Мур- зин, Ролле 1991. С. 109. Кат. 102.

КАЛАФ – ГОЛОВНОЕ УКРАШЕНИЕ

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; басма

Высота 12,5–13,0 см; диаметр 19,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/328, 347–349, 358

Название данного типа скифских парадных головных уборов восходит к греческому слову *káλαθος* – плетеная корзина. Калафы использовались греками в элевсинских мистериях, обрядах, посвященных культам богинь Деметры и Персефоны. В калафах на предметах эллино-скифской торевтики также изображались местные богини. В скифской культуре калафы

разных типов неизменно входили в состав парадных одежд знатных женщин. В качестве декоративных элементов использовались растительные мотивы и образы животных. Золотые ленты с изображениями и подвесками различных форм нашивались на жесткую, возможно, кожаную основу.

Литература: Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. Кат. 136.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ БОГИНИ
С ЗЕРКАЛОМ И СКИФА, ПЬЮЩЕГО ИЗ РОГА**

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Высота 3,5 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/374

Именно эта разновидность бляшек-аппликаций, нашивавшихся на одежду, оказалась одной из наиболее распространенных в репертуаре скифских декоративных украшений, встречаясь во многих царских курганах второй половины IV в. до н.э. Совершенно очевидно, что значение этих бляшек объясняется особым

сюжетом, на них представленным. Существует несколько различных трактовок его содержания: как души царя, вкушающей перед богиней напиток бессмертия, как вручение власти скифскому царю, как приобщение юноши-миста к божеству, как воплощение ритуального бракосочетания царя со скифской богиней Табиты, ца-

рицей скифов. Такой мистический акт приобщения к божеству через вступление в брак должен был служить гарантией стабильности и благополучия общества, чем и объясняется популярность этого сюжета.

Литература: Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 257; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 114–116. Кат. 212: 30.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ РОЗЕТКИ

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Диаметр 2,9 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/366

Бляшки в виде девятилепестковой розетки (всего сто три экземпляра) были найдены в одной из ниш основной погребальной камеры. Розетки в качестве украшения одежды нередко встречаются в северопричерноморских погребениях (чаще всего скифских) в IV в. до н.э. Предполагается, что этот мотив мог быть воспринят из греческо-

го погребального обряда, так как розетки встречаются в декоре античных саркофагов и погребальных стел. В то же время следует отметить, что в скифской традиции они могли использоваться не только в погребальных целях, но и как украшение парадных одежд, так как некоторые из бляшек (это, впрочем, относится и к другим

типам) были сломаны и после этого получили дополнительные отверстия для нашивания.

Литература: Алексеев 1986; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 113–116. Кат. 212: 13; аналогии из кургана Куль-Оба см.: Копейкина 1986. Кат. 16, 16 а.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ В ВИДЕ ГОЛОВЫ ДИОНИСА(?)

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Диаметр 3,6 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Чертомлыкский курган

Раскопки И. Е. Забелина в 1863 г.

Инв. № Дн 1863 1/365

В одной из ниш главной камеры этого царского кургана было обнаружено шестьдесят девять экземпляров идентичных бляшек, выполненных в виде мужской головы в фас, с вьющимися волосами и в венке из плюща и ягод винограда. Изображение личин разного вида, в большом количестве представленных именно на бляшках-аппликациях, нашивавшихся на па-

радную или погребальную одежду, стало очень популярным в Скифии в IV в. до н.э. Особенно это касается изображений Медузы-Горгоны, разные варианты которых известны в скифских курганах. В некоторых случаях, однако, заметен отход от классической изобразительной схемы, что дало основание в представленных бляшках видеть горгонейоны.

Но большее доверие все же вызывает трактовка их как изображение головы Диониса в венке. Аналогичные бляшки, выполненные тем же штампом, известны и в других скифских курганах второй половины IV в. до н.э.

Литература: Алексеев 1986. Кат. 21; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 113–116. Кат. 19; аналогии из кургана Куль-Оба см.: Копейкина 1986. Кат. 9–11.

ГРИВНА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СЦЕН ТЕРЗАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Вторая половина IV в. до н.э.
 Золото; литье
 Диаметр 17,3–19,0 см
 Северный Кавказ, Прикубанье, курган Карагодеуашх
 Раскопки Е. Д. Фелицына в 1888 г.
 Инв. № 2492/32

Концы шейного украшения декорированы фигурами львов, напавших на кабанов. По выразительности образов и тонкости исполнения рельефной композиции это одна из лучших эллино-скифских гривен, изготавливавшихся для варварской знати в греческих мастерских городов Северного Причерноморья. В данном случае владельцем гривны был один из властителей мест-

ных кавказских племен, получивших у древних авторов общее наименование «меоты».

Литература: Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894. Табл. II, 7–9; Петренко 1978. С. 41 и сл.

ПЛАСТИНА ОТ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; басма

Высота 21,0 см

Северный Кавказ, Прикубанье, курган Карагодеуашх

Раскопки Е. Д. Фелицына в 1888 г.

Инв. № 2492/7

Треугольная пластина с дырочками по краям для нашивания служила центральным украшением высокого конического головного убора знатной женщины. Верх пластины занимает фигура богини в греческом хитоне. В средней части изображена колесница с возничим, под ними два грифона. Ниже развернута сцена культового содержания. В ней главным персонажем является восседающая на троне местная Великая богиня.

Ее окружают фигуры девушек и юношей, облаченных в костюмы скифского типа. Женщина слева от богини держит в руках ритуальный сосуд округлой формы, мужчина справа принимает из рук богини питьевой рог. Сцена передает характерный для скифов и меотов обряд приобщения к божеству.

Литература: Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894. Табл. III, 1; Артамонов 1966. Табл. 318.

ОЖЕРЕЛЬЕ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; тиснение, пайка

Длина 45,0 см

Северный Кавказ, Прикубанье, курган Карагодеуашх

Раскопки Е. Д. Фелицына в 1888 г.

Инв. № 2492/2

Единственное в своем роде роскошное греческое ожерелье раннеэллинистической эпохи. Здесь объемные бусины и подвески живописно контрастируют с фигурными пластинками, отделанными тонкой филигранью. В центре – подвесной медальон в виде полой головки священного бычка с ленточкой на рогах, служившей для хранения талисма-

на или благовоний. Подобные женские украшения античного стиля пользовались большой популярностью у эллинизированной знати местных племен в Прикубанье.

Литература: Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894. Табл. IV, 1; Артамонов 1966. Табл. 305; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986. Pl. 254.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ МУЖСКОЙ БЕЗБОРОДОЙ И БОРОДАТОЙ ГОЛОВЫ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Диаметр 1,6 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Деев курган

Раскопки К. Е. Думберга в 1897 г.

Инв. № Дн 1897/5/11

Приблизительно с 340–330-х гг. до н.э. в Скифии получает распространение специфический тип нашивных бляшек – с изображениями мужских голов как бородатых, так и безбородых. В большинстве случаев они воспроизводят, иногда довольно точно, головы бородатых или безбородых сатиров с лицевой стороны монет Боспорского царства. На Боспоре такие монеты появляются с начала IV в. до н.э., но наи-

более точные соответствия скифские нашивные бляшки находят во второй половине IV в. до н.э. С каким именно персонажем скифского пантеона они в данном случае ассоциировались, и ассоциировались ли вообще, сказать затруднительно. Но значение таких находок велико еще и потому, что при надежном отождествлении монетного прототипа удастся установить достаточно точно период времени, не рань-

ше которого были изготовлены такие украшения.

В Деевом кургане были обнаружены украшения с безбородой и бородатой головой, имеющие хорошие боспорские аналогии 340–330-х гг. до н.э. Что касается типа бляшки с бородатой головой, то он может иметь более широкий круг нумизматических аналогий, не выходящих тем не менее за рамки IV в. до н.э.

Литература: Спицын 1906. Табл. XIII.

БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЖЕНСКОЙ ГОЛОВЫ

Третья четверть IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Диаметр 2,3 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Деев курган

Раскопки К. Е. Думберга в 1897 г.

Инв. № Дн 1897/5/8

Бляшки этого типа, на которых изображена женская голова с прической, напоминающей языки пламени, с бусами на шее представляют, видимо, какое-то женское скифское божество. К сожалению, детали иконографии образа не позволяют надежно отождествить его с конкретным персонажем скифского пантеона. По Геродоту, в V в. до н.э. у скифов существовали культы трех богинь: Табити-Гестии, Апи-Геи и Ар-

гимпасы-Афродиты Урании. Возможно в скифо-греческой иконографии известны изобразительные воплощения всех этих персонажей. В некоторых случаях для скифской религиозной системы были использованы и сугубо греческие образы, например Медузы-Горгоны, соответствующие скифским представлениям о некоторых местных персонажах (в частности, образу змееной богини, ставшей прародитель-

ницей скифов). Что касается бляшек из Деева кургана, то они, возможно, при использовании некоторых иконографических признаков Медузы-Горгоны (стоящие дыбом волосы), изображают, скорее всего, скифскую богиню огня Табити.

Литература: Спицын 1906. Табл. XIII.

НАЛОБНИК КОНСКИЙ

Вторая половина IV в. до н.э.
 Золото; литье, гравировка
 6,6 × 3,6 см
 Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Огуз
 Раскопки В. Н. Рота в 1902 г.
 Инв. № Дн 1902 1/83

Золотой налобник (нахрапник) на фигурном пластинчатом основании украшал налобный или нахрапный ремень оголовья коня. Стандартная для этого времени форма конских украшений, восходящая к изображениям морды льва. Высокая степень стилизации протома длинноухого животного не позволяет в настоящее время надеж-

но определить его вид. На основание налобника нанесена греческая буква «П», в цифровой символике означающая «5». Точно указать назначение этого знака в настоящее время невозможно, из его существования следует лишь, что владелец или мастер, скорее всего, могли владеть греческим языком. Публикуется впервые

КОМПЛЕКТ УЗДЕЧНЫХ УКРАШЕНИЙ

Вторая половина IV в. до н.э.

Серебро; литье, гравировка

Наносник: 4,2 × 4,3 см; два нащечника: 9,5 × 3,5 см

четыре уздечных фалара: 3,7 × 2,9 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, курган Огуз

Раскопки В. Н. Рота в 1902 г.

Инв. № Дн 1902 1/85–87

Уздечные украшения были найдены в одном из величайших скифских царских курганов IV в. до н.э., но при этом они по своей иконографии и стилю значительно отличаются от типичных скифских изделий, выполненных в зверином стиле, находя ближайшие соответствия среди художественных памятников Фракии. Находки фракийских изделий на территории Скифии осо-

бенно характерны для второй половины IV в. до н.э., что отражает, видимо, усиление военных и дипломатических контактов между скифами и фракийцами перед лицом общей угрозы, которую представляла для них Македония времени Филиппа II и Александра Великого.

Литература: Спицын 1906. С. 163; Мелюкова 1976.

СОСУД С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СКИФОВ

IV в. до н.э.

Серебро; вытяжка, басма (?), чеканка, гравировка, позолота

Высота 10,5 см

Подонье, курган № 3 из группы «Частых курганов»

Раскопки С.Е. Зверева в 1911 г.

Инв. № До 1911/11

Сосуд, форма которого является характерной для скифской культовой посуды V–IV вв. до н.э., был найден в весьма рядовом кургане, не выделяющемся ни размерами, ни особой пышностью погребального инвентаря. Вместе с тем, наличие относительно большого числа изделий из золота позволяет предположить, что его владелец зани-

мал не самое низкое положение в социальной иерархии местного общества. Сосуд наиболее интересен содержанием своего сюжетного фриза, который состоит из шести фигур скифов, сгруппированных попарно в трех последовательных сценах. По столь же остроумной, сколь и уязвимой для критики гипотезе Д.С. Раевского, действие разворачи-

вающееся на сосуде, воспроизводит мифологический сюжет о происхождении скифов и скифских царей, как о том повествуют рассказы о Геракле и Таргитае, переданные Геродотом (IV, 8–10). Эта версия получила широкое признание и распространение в скифологии, хотя даже в самой иконографии персонажей присутствуют детали,

вызывающие вопросы и требующие дополнительного пояснения. В частности, учитывая несомненную значимость всех представленных предметов и их ожидаемое повторение при неоднократном изображении какого-либо из персонажей, остается неясным, почему в двух сценах у Геракла-Таргитая появляются разные

атрибуты. Впрочем, невозможно ожидать на предмете IV в. до н.э. буквально воспроизведения мифа, записанного в середине V в. до н.э., а созданного еще раньше. Помимо того, что могли существовать одновременно различные версии одного и того же мифологического эпизода, совершенно естественна его трансформация во времени.

Во всяком случае ясно, что представленные сцены не являются зарисовками сугубо этнографического характера, и поэтому в целом с трактовкой этого сосуда как культового, декорированного изображениями эпического или мифологического характера, нельзя не согласиться.

Литература: Ростовцев 1914; Раевский 1977.

УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УЗДЫ

IV в. до н.э.
Наносник
Золото; тиснение, металлопластика, чеканка, пайка
4,5 × 2,3 × 1,9 см
Фалар
Золото, серебро (петля); тиснение или металлопластика, пайка
Диаметр 4,6 см
Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)
Раскопки А. Е. Люценко в 1855 г.
Инв. № Дн 1855 1/129, 144

Одной из наиболее необычных находок в Александропольском кургане был набор украшений из древнейшей (первичной) конской могилы, где была захоронена всего одна лошадь. Украшения конского оголовья состояли из нанос-

ника (нахрапника) в виде протомы лошади на пластинчатом основании, четырех золотых фаларов с изображениями животных (хищная птица, лев, бык, гиппокамп) и двух фаларов-розеток. В Эрмитаже в настоящее время

хранятся лишь наносник и один фалар в виде восьмилепестковой розетки. Наличие в этом уборе золотого наносника в виде протомы лошади подтверждает своеобразие александропольского уздечного убора, так как подобные

наносники в наборах узды причерноморской Скифии чрезвычайно редки. Ближайшие же соответствия александропольскому наноснику – это находки распределителей ремней конского оголовья в виде лошадиных головок (но без пластинчатого основания) с территории Малой Азии и Ирана, относящиеся к ахеменидской эпохе. В данном случае очень характерной является одна де-

таль – грибовидный столбик на голове, передающий, видимо, небольшой султанчик из перевязанной челки, украшение, не характерное для скифских лошадей, но известное у персидских. Проникновение в европейскую Скифию в конце IV в. до н.э. предметов, подобных александропольскому уздечному набору, является, видимо, следствием сложившейся в последней

трети этого столетия кратковременной политической ситуации, особенностью которой оказалось более активное взаимодействие скифов с окружающим миром, включая и очень отдаленные регионы, например периферийные области Ахеменидской державы.

Литература: ДГС. Вып. 1; Ростовцев 1926; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 90, 91; Алексеев 1993.

УКРАШЕНИЕ КОНСКОЙ СБРУИ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; басма

62,0 × 4,7 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Раскопки А. Е. Люценко в 1856 г.

Инв. № Дн 1856 1/15

Ажурная лента, состоящая из нескольких фрагментов, нашивалась на нагрудный конский ремень. На ней представлены сцены нападения грифонов на оленей и кабанов. Характерно, что здесь изображены два вида грифонов, одни из которых – активные и хищные, их крылья направлены назад, а другие представлены в статичной позе с месяцевидными крыльями, концы которых направлены вперед. Судя по известным подобным

предметам, такое деление носит не случайный характер, поскольку в древности, вероятно, существовали различные представления о характере того или иного фантастического существа.

Образ грифона, возникший на Ближнем Востоке и получивший широчайшее распространение в древнегреческом изобразительном искусстве, был заимствован и стал особенно характерным для скифских памятников (будь

то европейские или азиатские скифы) с V в. до н.э. Изображения грифонов помещали на различные предметы (оружие, сосуды, украшения) и в качестве терзающих существ нижнего мира, и как существа-хранители, так как у скифов и у греков существовала легенда о грифонах, охраняющих золото где-то на севере Европы (Геродот III, 116; IV, 13, 27).

Литература: ДГС. Вып. 1. С. 20. Табл. XV, 1–5.

УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ СБРУИ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; басма

9,3–9,4 × 8,6–8,7 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Раскопки А. Е. Люценко в 1856 г.

Инв. № Дн 1856 1/16, 17

Изящные бляхи полуовальной формы были размещены на концах длинной ажурной золотой ленты с грифонами, нашитой на конский нагрудный ремень. На обеих бляхах также изображены грифоны, на одной они представлены в так называемой геральдической позе, на другой – грифон терзает длинношеего кошачьего хищника, судя по декору поверхности тела, леопарда.

Литература: ДГС. Вып. 1. С. 20. Табл. XV, 6, 7.

УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ СБРУИ

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; тиснение, металлопластика

Длина 7,0–7,3 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Раскопки А. Е. Люценко в 1855 г.

Инв. № Дн 1855 1/256, 258

Бляхи в виде фантастического крылатого кошачьего хищника относятся к украшениям конской узда. Всего было обнаружено семь экземпляров, два с животными, обращенными вправо, и пять – влево. К основе фигурки крепились с помощью серебряных гвоздиков с золотыми шляпками. Загадочными являются стиль и иконография изображений, весьма необыч-

ных для эллино-скифского искусства, и не находящих полных соответствий, за исключением лишь отдельных элементов, в искусстве других народов того времени. Также необычен для изобразительных памятников Северного Причерноморья и вид кошачьего – с коротким хвостом, указывающим на то, что прототипом могла послужить рысь. Литература: ДГС. Вып. 1. Табл. XII, 4, 5.

**БЛЯШКА НАШИВНАЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
ФИГУРКИ ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ**

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; тиснение

2,7 × 2,7 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Раскопки А. Е. Люценко в 1855 г.

Инв. № Дн 1855 1/196

Судя по форме рога лежащего животного и направлению его отростков, изображен олень. Поза и пропорции тела несколько отличаются от иконографии раннескифского времени: у оленя более короткое тело и поднятая вверх шея. Подобный тип изображений появился в Скифии в V в. до н.э. Бляшка служила нашивным украшением на одежду.

Литература: ДГС. Вып. 1. Табл. VIII, 23.

**БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ – С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВОСЬМИЛУЧЕВОЙ РОЗЕТКИ
И В ВИДЕ ЦВЕТКА ЛОТОСА**

Вторая половина IV в. до н.э.

Золото; тиснение

Диаметр бляшки с розеткой 2,2 см

Высота бляшки в виде лотоса 2,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Раскопки А. Е. Люценко в 1855 г.

Инв. № Дн 1855 1/61, 85

Мотив розетки был заимствован скифами у греков и получил особенную популярность во второй половине IV в. до н.э. Такие нашивные аппликации в большом количестве и в разных сочетаниях встречаются обычно в наиболее поздних по времени царских скифских курганах. Мотив лотоса был в равной степени распространен в древности как

у греков, так и у различных восточных народов. Наиболее часто этот цветок воспринимался как символ плодородия, бессмертия и производительных сил. В качестве нашивного украшения на одежду он встречается в скифских памятниках преимущественно во второй половине IV в. до н.э.

Литература: ДГС. Вып. 1. Табл. IX, 2, 22.

НАВЕРШИЕ В ВИДЕ СКИФСКОЙ БОГИНИ

Вторая половина IV в. до н.э.

Железо (основа), золото, серебро; ковка, металлопластика

10,0 × 12,0 см

Северное Причерноморье, Приднепровье, Александропольский курган (Луговая Могила)

Случайная находка крестьян в южной части насыпи кургана в 1851 г.

Инв. № Дн 1851 1/1

Пластина железная ажурная в виде крылатой женской фигуры, держащей в руках двух ланей. Покрыта с оборотной стороны серебряной пластиной, с лицевой – золотой, на которой продавлены детали рисунка. Пластины прибиты к основе серебряными заклепками. На концах крыльев и основания четыре отверстия.

Как правило, подобные культовые навершия украшались целыми фигур-

ками или изображениями отдельных частей животных (хищных птиц, травоядных). Антропоморфные изображения чрезвычайно редки.

Что касается александропольского навершия, то из всех известных скифских богинь ближе всего к его изображению стоит, видимо, Аргимпаса, аналогом которой в греческом пантеоне была Афродита. С культом Афродиты Урании скифы, согласно легендарной тра-

диции, познакомились во время своих походов в Переднюю Азию, когда они ограбили в сирийском городе Аскалон храм Афродиты Урании (Геродот I, 105), за что богиня наказала их «женской болезнью».

Служителями культа этой богини были скифские жрецы-евнухи, так называемые энареи (Геродот IV, 67). Афродита Урания сопоставляется с такими ближневосточными богинями как Деркетто

(полуженщина-полурыба, которой и был собственно посвящен храм в Аскалоне), крылатая Кибела (владычица земли, воды и животных). М. И. Артамонов предполагал, что первоначально Табити, Апи и Аргимпаса представляли собой ипостаси одного древнего женского божества. Этим, вероятно, объясняется известная функциональная близость всех скифских богинь, проявлявшаяся, в том числе, и в иконогра-

фии, не всегда позволяющей надежно их различить.

Литература: ДГС. Вып. 1. Табл. I, 1; Артамонов 1961; Артамонов 1966. Рис. 130.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев 1979

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979

Акишев 1984

Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984

Алексеев 1984

Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из Чертомлыкского кургана // СГЭ. Вып. 49. Л., 1984

Алексеев 1986

Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л., 1986

Алексеев 1993

Алексеев А. Ю. Уникальные украшения конского уздечного убора из Александропольского кургана // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. СПб., 1993

Алексеев 1996

Алексеев А. Ю. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996

Алексеев 2003 а

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003

Алексеев 2003 б

Алексеев А. Ю. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV веков до н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 36. СПб., 2003

Алексеев 2006 а

Алексеев А. Ю. Александр Македонский и северные кочевники // Александр Великий. Путь на Восток : каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2006

Алексеев 2006 б

Алексеев А. Ю. Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н. И. Веселовского у с. Шульговка в 1891 г.) // Древности скифской эпохи. М., 2006

Алексеев, Мурзин, Ролле 1991

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский «царский» курган IV в. до н. э. Киев, 1991

Андрух 1995

Андрух С. И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. Запорожье, 1995

Артамонов 1961

Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 2. Л., 1961

Артамонов 1966

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага ; Л., 1966

Артамонов 1968

Артамонов М. И. Куль-Обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968

Артамонов 1973

Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973

Билимович 1973

Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. Вып. XVII. 1973

Брашинский 1979

Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979

Вагнер 1976

Вагнер Г. К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976

Галанина 1997

Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997

Горелик 1971

Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластинке из Гермесова кургана // Советская археология, 1971. № 3

Грантовский 1960

Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960

Грязнов 1961

Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л., 1961

Грязнов 1981

Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1981

Дашевская 1989

Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989

ДБК

Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854

ДГС 1

Древности Геродотовой Скифии. Вып. 1. СПб., 1866

ДГС 2

Древности Геродотовой Скифии. Вып. 2. СПб., 1872

Доватур, Каллистов, Шишова 1982

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / пер. И. А. Шишовой с участием Е. Б. Новикова. М., 1982

Дюбрюкс 2010

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1–2 / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2010

Дюмезиль 1990

Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. М., 1990

Зайцев 1999

Зайцев Ю. П. Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2

Зайцев 2000

Зайцев Ю. П. Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // Таманская старина. Греки и варвары на Киммерийском Боспоре (VII–I вв. до н. э.). СПб., 2000

Завитухина 1977

Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Л., 1977

Иванов, Луконин, Смесова 1984

Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984

Иванчик 2005

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М. ; Берлин, 2005

Иессен 1949

Иессен А. А. Золотой олень из станицы Костромской // Сокровища Эрмитажа. М. ; Л., 1949

Ильинская, Тереножкин 1983

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983

Канторович 1996

Канторович А. Р. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир ; М., 1996

Кисель 1997

Кисель В. А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб., 1997

Кисель 2003

Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003

Копейкина 1986

Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986

Королькова 2003

Королькова Е. Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 36. СПб., 2003

Королькова 2006

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2006

Королькова (Чежина), Алексеев 1994

Королькова (Чежина) Е. Ф., Алексеев А. Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994

Кузьмина 1976

Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыкской амфоре // Советская археология, 1976. № 3

Кулланда 2006

Кулланда С. В. Lingua Scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи. М., 2006

Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894

Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх // Материалы по археологии России. СПб., 1894

Лебедев 1992

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992

Лелеков 1987

Лелеков Л. А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987

Луконин 1977

Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977

Макаренко 1916

Макаренко Н. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг., 1916

Манцевич 1987

Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987

Мартынов 1997

Мартынов А. К. Золотые серьги из могильника Дорт-Оба // СГЭ. Вып. 57. СПб., 1997

Мачинский 1978

Мачинский Д. А. О смысле изображений на чертомлыкской амфоре // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978

Мачинский 1998

Мачинский Д. А. О семантике Келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 1998

Мелюкова 1976

Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976

Неверов 1978

Неверов О. Я. Античные перстни (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Л., 1978

Нефедкин 1998

Нефедкин А. К. Сцена боя на золотой обкладке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III (к вопросу об интерпретации изображения) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы науч. конф. СПб., 1998

ОАК 1897

Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900

Переводчикова 1979

Переводчикова Е. В. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979

Переводчикова 1994

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994

Петренко 1978

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д 4–5. М., 1978

Придик 1911

Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. Вып. 31. СПб., 1911

Пуздровский 2007

Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. Симферополь, 2007

Раевский 1970

Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // Советская археология, 1970. № 3

Раевский 1977

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977

Раевский 1980

Раевский Д. С. Эллинские боги в Скифии ? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980. № 1

Раевский 1985

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М., 1985

Ростовцев 1914

Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России. № 34. Пг., 1914

Ростовцев 1926

Ростовцев М. И. Сарматские и индо-скифские древности // Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926

Руденко 1962

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I / Свод археологических источников. Вып. Д 3–9. М. ; Л., 1962

Русяева 1998

Русяева М. В. До питання про композицію та сюжет на золотих окуттях меча з Чортомлицького кургану // Музейні читання. Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України – філіалу Національного музею історії України 17–18 грудня 1996 р. Київ, 1998

Рябова 1984

Рябова В. О. Дерев’яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. № 48. Кіїв, 1984

Симоненко 1987

Симоненко А. В. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987

Спицын 1906

Спицын А. А. Серогозские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 19. СПб., 1906

Толстой, Кондаков 1890

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890

Тохтасьев 2005

Тохтасьев С. Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005

Тункина 2002

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002

Уильямс, Огден 1995

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV веков до н. э. : каталог выставки. СПб., 1995

Хазанов 1975

Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975

Хазанов 2002

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002

Хазанов, Шкурко 1976

Хазанов А. М., Шкурко А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976

Черненко 1980

Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980

Черненко 1984

Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984

Черненко 1987

Черненко Е. В. Парадный топор из Келермеса // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987

Черников 1965

Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965

Чугунов, Парцингер, Наглер 2004

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери Долины царей. СПб., 2004

Čugunov, Parzinger, Nagler 2010

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010

Kalashnik 1997

Kalashnik Ju. Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997

Piotrovsky, Galanina, Grach 1986

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legasy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986

Pirson 2003

Pirson F. Betrachterinteressen und Identifikationsangebote in Kampfdarstellungen der graeco-skythischen Kunst // F. Fless, M. Treister (Hrsg). Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Bericht Kolloquim Zschortau/Sachsen 2003 (Rahden/Westf. 2005)

Shceglov, Katz 1991

Shceglov A. N., Katz V. I. A Fourth-Century B.C. Royal kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal. 1991. N 26

Stähler 1997

Stähler K. Zum Relief der Schwertscheide von Certomlyk // K. Stähler (Hrsg). Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster 1995. Münster, 1997

Stähler, Nieswandt 1991–1992

Stähler K. Nieswandt H.-H. Der skythische Goryt aus dem Melitopol-Kurgan // Boreas. Münstersche Beiträge zur Archäologie. Bd. 14/15. Münster, 1991–92

Treister 1999

Treister M. The Workshop of the Gorytos and Scabbard Overlays // Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine (ed. E. D. Reeder). New York, 1999

Williams, Ogden 1994

Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewelry of the Classical World. Catalog of an exhibition of Greek gold jewelry from the collections of the British Museum and the Hermitage Museum. New York, 1994

Альбом
Научно-популярное издание

Андрей Юрьевич Алексеев

Золото скифских царей
из собрания Эрмитажа

Редактор А. Ю. Родина
Корректор В. Ю. Самохина
Обработка изображений: И. В. Бондарь

Подписано в печать 20.05.10. Формат 70 × 100 ¹/₈
Усл. печ. л. 42,57. Тираж 6500 экз. Заказ 36

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

Отпечатано в типографии ООО «Типография „НП-Принт“»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15